

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023
1 (36)

ISSN 2587-9472
Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 1 (36)' 2023

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.

Заместитель главного редактора

Алешукина С.А.,

канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета.

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;*

Бандурина Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одицовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел РФ;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА 1775 ГОДА И СОЗДАНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	5
<i>Видова Татьяна Александровна</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

К ВОПРОСУ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	12
<i>Гравшина Ирина Николаевна, Денисова Наталья Ивановна</i>	
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА	17
<i>Новоженкина Инна Владимировна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

САБОТАЖ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА.....	24
<i>Александров Александр Сергеевич, Борзина Елена, Цыганков Александр Юрьевич</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА И ОЧНОЙ СТАВКИ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....	30
<i>Теплякова Ольга Алексеевна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА И ДОГОВОРНОГО ПРАВА	35
<i>Самородов Дмитрий Альбертович</i>	

Трибуна молодого ученого

АФФЕКТ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ.....	43
<i>Савочкина Ольга Андреевна</i>	
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЬЮ 1 СТАТЬИ 20.1 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ.....	49
<i>Семенов Михаил Олегович</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

THE GOVERNMENTAL REFORM OF 1775 AND THE CREATION OF THE BUREAUCRATIC APPARATUS OF THE RYAZAN GOVERNORATE.....	5
<i>Vidova T.A.</i>	

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL ECONOMY	12
<i>Gravshina I.N., Denisova N.I.</i>	

CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONSOLIDATION OF TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL CRISIS.....	17
<i>Novozhenina I.V.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

SABOTAGE IN MODERN RUSSIA AS A FACTOR AFFECTING THE SECURITY OF THE STATE.....	24
<i>Alexandrov A.S., Borzina Ye., Tsygankov A. Yu.</i>	

RELEVANT PROBLEMS OF INTERROGATION AND CONFRONTATION BY USING VIDEOCONFERENCING SYSTEMS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS	30
<i>Tepliyakova O.A.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

ON THE ISSUE OF THE ESSENCE OF A CIVIL CONTRACT AND CONTRACT LAW	35
<i>Samorodov D.A.</i>	

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

AFFECT AS A CRIMINAL LEGAL CATEGORY.....	43
<i>Savochkina O.A.</i>	

PROBLEMS OF QUALIFYING THE COMPOSITION OF THE ADMINISTRATIVE OFFENSE PROVIDED FOR PART 1 ARTICLE 20.1 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	49
<i>Semenov M.O.</i>	

УДК 342.54

ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА 1775 ГОДА И СОЗДАНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Видова Татьяна Александровна¹,

канд. ист. наук, доцент,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Рассматриваются основные этапы генезиса бюрократического аппарата в России в XVIII в. Цель исследования заключается в том, чтобы осветить политические мероприятия российской власти, направленные на становление структуры, организации и деятельности местного чиновничества в указанный период на примере Рязанской губернии. Данная тема является актуальной в условиях возрастания интереса общества к эффективности функционирования государственного аппарата России и его совершенствованию. Заслуживают внимания мероприятия Петра I и особенно Екатерины II, обусловившие формирование чиновничества на уровне губерний и уездов. На источниковом материале исследуется создание системы местных учреждений. В заключение делается вывод о том, что губернская реформа 1775 г. создала правовую основу для складывания местного бюрократического аппарата России. Приведенный вывод обуславливает, в свою очередь, дальнейший исследовательский интерес в целях проведения исторических параллелей и сравнительного анализа государственного аппарата России прошлых эпох и настоящего времени.

Ключевые слова: бюрократический аппарат, местное чиновничество, губернская реформа, делопроизводство, местные суды, дворянское самоуправление

THE GOVERNMENTAL REFORM OF 1775 AND THE CREATION OF THE BUREAUCRATIC APPARATUS OF THE RYAZAN GOVERNORATE

Vidova T.A.¹,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article describes the main stages of the genesis of the bureaucratic apparatus in Russia in the XVIII century. The purpose of the author is to highlight the political activities of the Russian government aimed at establishing the structure, organization and activities of local officials in the specified period on the example of the Ryazan Governorate. This topic is relevant in the context of increasing public interest in the effectiveness of the functioning of the state apparatus of Russia and its enhancement. Noteworthy are the events of Peter I and especially Catherine II, which led to the formation of officialdom at the level of governorates and uyezds. On the basis of the material of primary sources, the author considers the creation of the system of local institutions. In conclusion, it is said that the provincial reform of 1775 created the legal basis for the forming of the local bureaucratic apparatus of Russia. This conclusion, in turn, leads to further research interest in order to draw historical parallels and a comparative analysis of the bureaucratic apparatus of Russia of past eras and the present.

Keywords: bureaucracy, local officialdom, governmental reform, clerical work, noble self-government

DOI 10.21777/2587-9472-2023-1-5-11

Введение

Возникновение аппарата государственного управления в России в значительной степени обусловлено становлением абсолютной монархии, что сопровождалось бюрократизацией, унификацией и регламентацией. Предпосылки складывания бюрократического аппарата были подготовлены предыдущим развитием страны, однако приоритетная роль здесь принадлежит XVIII в. Реформа Петра I в области управления имела результатом оформление иерархически организованной, упорядоченной и функциональной системы центрального государственного аппарата, что позволило значительно усовершенствовать управление страной. Однако следующий логический шаг – реформирование местного управления – в первой четверти XVIII в. не был завершен. Огромные по своей территории губернии, возглавляемые губернаторами, делились на провинции и уезды, которые управлялись воеводами. Назначаемые Петром I воеводы сосредотачивали в своих руках всеобъемлющую власть, включающую военные, административные, полицейские, финансовые и судебные функции. Была сделана попытка ввести элемент общественного (дворянского) управления и контроля в виде ландратских коллегий [1, с. 304].

Однако существовавшая система местного управления была достаточно слабой, чтобы обеспечить эффективность местной администрации. Император не успел провести дальнейшую реорганизацию местной власти, а после его смерти были частично ликвидированы и эти учреждения. На протяжении 50 лет после смерти Петра I проблема преобразований местного управления практически не решалась, несмотря на то, что необходимость в этом все более возрастала.

Становление местного бюрократического аппарата связано с деятельностью Екатерины II, которая в Учреждении для управления губерний 1775 г. положила начало созданию системы губернского и уездного управления.

Приведенное исследование ставит целью осуществить анализ правовых положений реформы, направленных на формирование местного бюрократического аппарата, и выявить их фактическую реализацию на примере Рязанской губернии.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) осветить основные положения Учреждения для управления губерний 1775 г.;
- 2) проанализировать этапы создания органов управления в Рязанской губернии;
- 3) выявить систему местных учреждений;
- 4) проследить складывание бюрократического аппарата.

Реализация положений губернской реформы 1775 года в Рязанской губернии

В 1775 г. для исправления многочисленных злоупотреблений на местах, а также для «наилучшего управления» Екатериной II было введено в действие Учреждение для управления губерний¹. Реформа местного управления, проводившаяся с 1775 г., получила название «губернской». Территория страны была разделена на 40 губерний. По первоначальному замыслу императрицы губерниями должны были руководить губернаторы. По-другому эта должность называлась «наместники», а сами губернии часто именовались наместничествами. Однако для большего контроля за деятельностью местных учреждений Екатерина II ввела еще должность генерал-губернатора, который охватывал своей властью несколько соседних губерний.

10 ноября 1775 г. состоялась резолюция на доклад Сената о том, что генерал-губернатор должен действовать на основании должности, предписанной наместнику в Учреждении о губерниях². За генерал-губернаторами и закрепилось при Екатерине II название «наместники». Они стали промежуточной инстанцией между губернскими и центральными учреждениями.

¹ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи, 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XX (1775–1780), № 14392. – С. 229–304.

² Высочайшая резолюция на доклад Сената «О поступании генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому в исполнение звания генерал-губернатора во вверенных ему губерниях на основании должности, предписанной наместнику в Учреждении о губерниях» // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XX, № 14394. – С. 306–307.

28 февраля 1778 г. Екатерина II подписала указ об учреждении Переяславль-Рязанской губернии, а наместником был назначен исполнявший в то время обязанности Калужского и Тульского наместника генерал-поручик М.Н. Кречетников³. Блестяще проявивший себя на военном поприще в ходе Семилетней и Русско-турецкой (1768–1774) войн, он показал себя и крупным государственным деятелем – в качестве наместника участвовал в создании сначала Псковской, а затем Калужской и Тульской губерний.

24 августа 1778 г. был издан указ Сенату «Об учреждении Рязанского наместничества», который должен был включать 12 уездных центров⁴. В состав наместничества входили Рязанская и Тамбовская губернии с центром в Переяславль-Рязанском, переименованном в 1780 г. в Рязань.

Рязанская губерния включала следующие уезды: Егорьевский, Данковский (передан из Елецкой провинции), Зарайский, Касимовский, Михайловский, Ранenburgский (передан из Тамбовской губернии), Ряжский (передан из Тамбовской провинции), Рязанский, Пронский, Сапожковский, Скопинский, Спасский. Все центры уездов получили административный статус уездных городов, при этом часть населенных пунктов, которые ранее являлись селами, были преобразованы в города.

После М.Н. Кречетникова пост наместника Рязанской и Тамбовской губерний в последней четверти XVIII в. также занимали крупные военные и государственные деятели: генерал-поручик Михаил Федорович Каменский, прославившийся в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., который находился в должности с декабря 1778 г. по 1785 г. Затем, в 1785–1796 гг., наместником был генерал-поручик Иван Васильевич Гудович, являвшийся тоже героем войны с Турцией [2, с. 260; 3, с. 15].

Деятельность губернаторов и губернских правлений

Главным должностным лицом в каждой губернии являлся губернатор, который сосредотачивал в своих руках все текущее управление. В период правления Екатерины II на посту губернатора Рязанской губернии находились: генерал-майор И.И. Поливанов (1778–1780), генерал-майор А.А. Волков (1780–1788), действительный статский советник А.М. Кологривов (1788–1793), генерал-поручик И.О. Селифонтов (1794–1795)⁵.

При губернаторе действовало губернское правление, в которое входили сам губернатор, вице-губернатор, а также два советника. Губернское правление несло ответственность в отношении императрицы, Сената за ситуацию в губернии. Обязанности правления были связаны с контролем и управлением. Так, ему требовалось доводить до подчиненных учреждений законы и распоряжения, проводить оценку исполнения предусмотренных законами, а также распоряжениями требований⁶.

Нижний земский суд проводил предварительное следствие в отношении преступлений, исполнял предоставляемые вышестоящими властями распоряжения, вынесенные судами приговоры. Данный суд являлся органом судебно-полицейского характера, подчинялся губернатору, губернскому правлению. Штат суда был представлен земским исправником, двумя заседателями.

Городничий на уровне уездного центра должен был охранять «тишину и спокойствие» и реализовывать иные присущие земскому исправнику обязанности [4, с. 132].

В Рязани как губернском городе во главе полиции находился полицеймейстер. В последней четверти XVIII в. эту должность занимали: майор (позже – коллежский асессор) А.М. Аничков (1779–1780); премьер-майор И.И. Шиц (1781); премьер-майор П.И. Бурцов (1783–1793); коллежский асессор (позже – надворный советник) И.Ф. Коноплин (1794–1799)⁷. По обычаям назначений на должности того времени все они перед гражданской службой сделали военную карьеру в армии.

³ Именной указ, данный Сенату, «Об учреждении Рязанской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XX, № 14710. – С. 597.

⁴ Именной указ, данный Сенату, «Об учреждении Рязанского наместничества» // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XX, № 14786. – С. 741–742.

⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова... – Санкт-Петербург: 1779, 1780, 1781, 1782, 1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, 1795, 1796.

⁶ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи, 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XX (1775–1780), № 14392. – С. 229–304.

⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова... – Санкт-Петербург, 1779, 1780, 1781, 1782, 1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, 1795, 1796.

Заместителем губернатора и следующим по объему власти лицом в губернском управлении являлся вице-губернатор. Он оказывал непосредственную помощь «хозяину губернии» по всем вопросам администрации. В последней четверти XVIII в. на должности рязанского вице-губернатора находились: статский советник А.А. Мосолов (1778–1780); полковник А.М. Кологривов (1781–1786), а впоследствии – Рязанский губернатор; статский советник А.С. Болтин (1787–1793); статский советник Л.В. Третьяковский (1794–1796)⁸.

Вице-губернатор являлся непосредственным начальником и руководителем такого важного финансового учреждения, как казенная палата. К числу постоянных должностных лиц казенной палаты относились и директор экономии, два советника, два ассессора и губернский казначей. Данная структура имела широкие полномочия по осуществлению всех финансово-хозяйственных функций на уровне губернии, а также по проведению ревизий. Казенная палата возглавляла и контролировала уездные казначейства.

Система местных судов

Одним из важных достижений губернской реформы 1775 г. было создание стройной системы местных судов.

Словные суды были представлены следующими учреждениями: в верхней земской расправе рассматривались дела лиц, являющихся непомещичьими крестьянами, а губернским магистратом и верхним земским судом соответственно – дела горожан и дворян.

Совестный суд, являвшийся судом специального назначения, а также палата гражданского суда, палата уголовного суда функционировали для всех лиц вне зависимости от сословной принадлежности.

Указанные палаты представляли собой высшие судебные учреждения губернского уровня. Они пересматривали решенные в нижестоящих судах дела, действовали в качестве апелляционной инстанции. В каждой из палат имелся председатель. Кроме того, в составе палат было по два советника и ассессора, а также в штат входили приказнослужители и секретарь.

В совестных судах разбирались споры о причинении ущерба при несчастных случаях, дела по преступлениям лиц, являющихся «безумными» и не достигшими совершеннолетия, споры лиц, находящихся в родственных отношениях.

В уездах выступавший в качестве суда первой инстанции уездный суд осуществлял рассмотрение гражданских и мелких уголовных дел применительно к лицам любой сословной принадлежности. Исключением являлись горожане. Наряду с уездным судьей, штат данного суда был образован дворянскими заседателями, а также приказнослужителями [4, с. 179].

Судебные функции на уездном уровне исполнялись сословными уездными судами. В уездах для государственных крестьян действовала нижняя расправа, а для горожан – городской магистрат.

Губернский прокурор осуществлял контроль законности совершаемых чиновниками губернских учреждений действий и соблюдения порядка делопроизводства в данных учреждениях. У губернского прокурора имелись помощники на губернском и уездном уровнях – стряпчие. На губернском уровне имелось два помощника – по одному по уголовным и казенным делам.

В Рязанской губернии должность губернского прокурора в последней четверти XVIII в. занимали: П.А. Волконский (1779–1780); надворный советник И.Г. Каблуков (1781–1782); надворный советник (с 1794 г. – коллежский советник) С.А. Раевский (1783–1796).

Создание органов дворянского самоуправления

Власть на местах, согласно замыслу Екатерины II, должны были осуществлять органы дворянского и иного сословного самоуправления наряду с чиновниками. В уездах состоялось формирование общественной структуры дворян с предводителем дворянства во главе. Общее собрание дворян избирало предводителя дворянства на двухлетний срок.

⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова... – Санкт-Петербург, 1779, 1780, 1781, 1782, 1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, 1795, 1796.

Для дворянской корпорации уездов в соответствии с Учреждением для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. было предусмотрено право создания на выборной основе уездной государственной администрации и дворянского суда. Выборы совестного судьи, председателей и заседателей палат гражданского и уголовного суда, судей, заседателей уездных судов, исправников, заседателей земских судов осуществлялись из числа лиц, являющихся дворянами.

Доля дворян в штате чиновников местного уровня была равна трети. Предусматривался трехлетний период занятия должностей выборными лицами. Губернатор утверждал всех чиновников, которых избирали дворяне. Исключение составляли совестный судья, председатели палат гражданского, уголовного суда, которых утверждал Сенат. Выборные лица из дворянской среды после избрания более не находились в зависимости от дворянских обществ и становились государственными чиновниками.

В Рязанской губернии число дворян, находившихся после 1775 г. на выборных дворянских должностях, превысило 700 человек. Выборные должности занимали лица, представляющие знатные фамилии, в числе которых следует отметить князей Максютых, Волконских, Мещерских, Борятинских, Мамеевых, Маматовых, Кропоткиных, Ф.А. Голицына, Н.А. Оболенского, Ф.А. Голенищева, И.М. Баратаева, А.А. Черкасского, С.М. Козловского, В.А. Львова, М.П. Хилкова, П.Н. Гагарина, П. Тенишева, П.А. Меншикова, графов Толстых, барона П. Шафирова⁹. В целом, доля выходцев из дворян в общем числе табельных чиновников превышала 80 %¹⁰.

С принятием Жалованной грамоты дворянству 1785 г. местное дворянское самоуправление сформировалось в окончательном виде. В губерниях состоялось введение выборных должностей дворянских предводителей, которые должны были осуществлять административное и внутрисословное управление.

Дворянские собрания, осуществлявшие дворянское самоуправление, были губернскими и уездными. Первые распоряжались имевшимся у дворянского общества имуществом, избирали должностных лиц для государственных учреждений, дворянского суда, дворянского самоуправления, определяли величину проводившихся для нужд дворянского общества сборов, информировали государя, государственную администрацию об имевшихся у местного дворянства общественных нуждах [5, с. 517]. Дворянские собрания уездного уровня занимались подготовкой собраний губернского уровня.

Главную роль среди должностных лиц из среды дворян играли губернский и уездные предводители дворянства. Они возглавляли всю дворянскую корпорацию региона, руководили дворянскими обществами, а также занимались решением административных вопросов по местному управлению.

Взаимодействие дворянского собрания и правительства обеспечивалось в области государственного управления губернским предводителем дворянства. Последний участвовал в действовавших при губернаторе учреждениях совещательного характера, представлял в различных учреждениях – государственных, общественных, частных – дворянское общество. Кроме того, он представлял характеристики дворянам, поступающим на государственную службу [6, с. 32–33]. Губернский предводитель занимал в губернии вторую по значимости после губернатора должность, которая в сопоставлении с такой должностью, как вице-губернатор, являлась более значимой.

В конце XVIII в. на должности Рязанского губернского предводителя находились: артиллерии подполковник С.Б. Тютчев (1782–1785); полковник Ф.И. Бабарыкин (1786–1787); статский советник И.И. Вердеревский (1788–1791); полковник Н.А. Ниротморцев (1791–1794); полковник Д.И. Дмитриев-Мамонов (1794–1797) [7, с. 24].

Уездный предводитель в рамках государственного управления предоставлял свидетельства о направляемых помещиками в ссылку крестьянах, осуществлял надзор применительно к детям канцелярских служащих. В рамках сословного самоуправления он выступал в качестве председателя, проверял финансовую отчетность ревизионной комиссии, дворянской опеки, вел списки имевшихся в уезде дворян. Все дела местного государственного управления на уровне уезда также осуществлялись с уча-

⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова... – Санкт-Петербург, 1779, 1780, 1781, 1782, 1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, 1795, 1796.

¹⁰ *Примечание.* Посчитано по: Государственный архив Рязанской области. – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 9. – Д. 6439–6455.

ствием уездного предводителя. В этой связи он нередко в официальных обращениях именовался предводителем уезда [6, с. 35].

В общей сложности, в результате введения новых учреждений совокупный штат рязанских чиновников должен был составить 534 человека (без учета приказнослужащих)¹¹. Если привлечь данные IV ревизии (1782 г.), согласно которой в Рязанской губернии насчитывалось 434 679 человек мужского пола [8, с. 159], то получается, что после реформы 1775 г. соотношение чиновничества к остальному населению составляло 1:814, в то время как в дореформенный период один чиновник приходился в среднем на 7–8 тыс. жителей (при населении в 348 тыс. человек в Рязанской провинциальной и уездных канцеляриях служили около 45 чиновников) [9, с. 133–135].

Заключение

Изучение формирования чиновничества Рязанской губернии при Екатерине II после реформы 1775 г. позволяет сделать определенные выводы.

1. Учреждение для управления губерний 1775 г. и создание Рязанской губернии в 1778 г. вызвали к жизни появление целого ряда государственных учреждений, охвативших своей деятельностью административную, финансовую, хозяйственную, судебную, полицейскую области местного управления.

2. Наряду с государственными учреждениями была создана параллельная структура дворянских сословных организаций и выборных чиновников от дворянства, призванных участвовать в административном управлении.

3. Создание новых учреждений положило начало формированию местного чиновничье-бюрократического аппарата, состоявшего более чем наполовину из представителей господствующего сословия, что придало ему дворянский характер.

Список литературы

1. Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений: в 9 т. – Санкт-Петербург, 1899. – Т. 1.
2. Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 4 ч. – Санкт-Петербург, 1840. – Ч. 2.
3. История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778–2000 гг. / под ред. П.В. Акулышина. – Рязань: Пресса, 2000. – 480 с.
4. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – Москва: Высшая школа, 1968. – 368 с.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 1. – 548 с.
6. Корелин А.П. Институт предводителей дворянства. О социальном и политическом положении дворян // История СССР. – 1978. – № 3. – С. 31–48.
7. Милорадович Г.А. Списки губернских предводителей дворянств Российской империи. 1782–1895. – Чернигов: Тип. Черниг. губ. земства, 1895. – 38 с.
8. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 230 с.
9. Кирилов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. – Москва: Наука, 1977. – 443 с.

References

1. *Gradovskij A.D. Istoricheskiy ocherk uchrezhdeniya general-gubernatorstv v Rossii // Sobranie sochinenij: v 9 t. – Sankt-Peterburg, 1899. – T. 1.*
2. *Bantysh-Kamenskij D.N. Biografii rossijskih generalissimusov i general-fel'dmarshalov: v 4 ch. – Sankt-Peterburg, 1840. – Ch. 2.*
3. *Istoriya odnoj gubernii: ocherki istorii Ryazanskogo kraja 1778–2000 gg. / pod red. P.V. Akul'shina. – Ryazan': Pressa, 2000. – 480 s.*

¹¹ Штаты губерний и наместничеств // Российский государственный архив древних актов. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 378. – Л. 11–14.

4. *Eroshkin N.P.* Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii. – Moskva: Vysshaya shkola, 1968. – 368 s.
5. *Mironov B.N.* Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t. – Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2000. – T. 1. – 548 s.
6. *Korelin A.P.* Institut predvoditelej dvoryanstva. O social'nom i politicheskom polozhenii dvoryan // Istoriya SSSR. – 1978. – № 3. – S. 31–48.
7. *Miloradovich G.A.* Spiski gubernskih predvoditelej dvoryanstv Rossijskoj imperii. 1782–1895. – Chernigov: Tip. Chernig. gub. zemstva, 1895. – 38 s.
8. *Kabuzan V.M.* Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. – Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. – 230 s.
9. *Kirilov I.K.* Cvetushchee sostoyanie vsrossijskogo gosudarstva. – Moskva: Nauka, 1977. – 443 s.

УДК 346

К ВОПРОСУ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Гравшина Ирина Николаевна¹,

канд. экон. наук,

e-mail: nemograf@mail.ru,

Денисова Наталья Ивановна¹,

канд. экон. наук, доцент,

e-mail: dezar@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Происходящие в отечественной экономике процессы цифровой трансформации ее отраслей и сфер порождают необходимость их правового регулирования. Статья направлена на общий обзор развития отечественной законодательной базы в сфере нормативного регулирования цифровой трансформации экономики. Рассматривается подход создания правовой системы цифровой среды как новой отрасли права. Представляется многоуровневая система нормативно-правовой базы, регулирующей процесс цифровизации отечественной экономики. Приводится обобщенная характеристика каждого из обозначенных уровней. Отражаются направления развития правового регулирования происходящих процессов, формы проявлений содержательного преобразования права. Осуществляется общий обзор результатов, достигнутых в процессе формирования правового регулирования цифровой среды. Результаты содержательного анализа состояния правового обеспечения цифровой среды позволяют обозначить полученные достижения и отметить существующие недостатки и пробелы в законодательстве. Как итог, устанавливаются проблемы формирования законодательной базы, регулирующей процессы цифровой трансформации экономики.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровизация экономики, субъект права, законодательные акты

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL ECONOMY

Gravshina I.N.¹,

Candidate of Economic Sciences,

e-mail: nemograf@mail.ru,

Denisova N.I.¹,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

e-mail: dezar@mail.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The processes of digital transformation of branches and spheres of the domestic economy generate the need for their legal regulation. The article is aimed at a general review of the development of the domestic legislative framework in the field of legal regulation of the digital transformation of the economy. The article considers the approach of creating a legal system for the digital environment as a new branch of law. The authors presented a multi-level system of regulatory and legal framework regulating the process of digitalization of the domestic economy. A generalized characteristic of each of the indicated levels is presented. The directions for the development of legal regulation of ongoing processes, forms of manifestations of a meaningful transformation of law are indicated. A general review of the results achieved in the process of forming the legal regulation of the digital environment has been made. The results of a content analysis of the state of legal support for the digital environment allowed the authors to identify the achievements obtained and note the existing shortcomings and gaps in legislation. As a result, the problems of a legislative framework forming, which regulate the processes of digital transformation of the economy, have been established.

Keywords: legal regulation, digitalization of the economy, subject of law, legislative acts

DOI 10.21777/2587-9472-2023-1-12-16

Введение

В настоящее время цифровизация охватила все отрасли экономики и сферы жизнедеятельности человека, который ежедневно сталкивается с цифровыми технологиями. В обычной жизни стало привычным дистанционно направлять электронные документы через государственные сервисы, приобретать товары в онлайн-магазинах, получать дистанционное образование, обращаться за онлайн-консультацией к врачу и т.д. За всей этой обыденностью в использовании цифровых решений стоит фундаментальная основа правового регулирования процессов цифровизации. Вопросы нормативно-правового регулирования цифровой экономики сегодня активно обсуждаются в силу их высокой актуальности. В свою очередь, взаимосвязь права и процесса цифровизации, которая проявляется во взаимном влиянии друг на друга, приводит к возникновению вопросов, требующих решений, а также преобразует характер субъектов права и порождает новые формы ответственности.

Исследование направлено на всестороннее изучение российского законодательства в рамках правового регулирования цифровизации экономики и основано на общенаучных и специальных юридических методах, в том числе на методе толкования права, формально-юридическом методе, методе систематизации и группировки данных, а также на других методах познания.

Направления преобразования правового поля в контексте цифровизации

Сегодня в России процесс разработки и реализации законодательных инициатив, направленных на формирование благоприятного правового поля для реализации в российской юрисдикции проектов цифровизации, находится в активной стадии. Создание правовой системы регулирования цифровой экономики осуществляется в рамках Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»¹. В соответствии с паспортом проекта к концу 2024 г. планируется завершение процесса формирования системы правового регулирования цифровой экономики.

В современном контексте отношений цифровизации и права возникают многие новые вопросы, требующие решений [1, с. 6]. Право и цифровизация взаимно проникают друг в друга, наполняя новыми формами и смыслами. Возникновение новых цифровых технологий способствует расширению предмета правового регулирования [2, с. 92]. Более того, Н.В. Разуваев отмечает наличие профессиональных мнений о том, что возникновение новых виртуальных объектов правовых отношений и цифровая трансформация прав приводят к появлению «новой комплексной отрасли российского законодательства» [3, с. 20].

Развитие правового регулирования цифровизации проявляется по двум направлениям:

- 1) совершенствование действующего законодательства;
- 2) формирование принципиально новых законодательных актов (нового правового поля).

Первая форма проявлений права связана с преобразованием действующих законодательных актов. Преимущество отдается развитию гражданского законодательства. Как отмечают А.Ю. Яковлева-Чернышева и А.В. Дружинина, «одним из ключевых аспектов адаптации гражданского права к современным реалиям цифровизации стало включение в Гражданский кодекс РФ понятия “цифровые права” как объекта гражданских прав» [4, с. 52]. Следует отметить, что некоторые исследователи и правоведы отмечают сжатое значение введенного термина, другие же говорят о том, что представленная трактовка свидетельствует лишь о форме реализации гражданских прав. В частности, Экспертным заключением по проекту Федерального закона «цифровое право» определено как новый способ фиксации гражданских прав². Соответственно, в настоящее время достаточно остро стоит задача выработки единых по-

¹ Министерство экономического развития Российской Федерации: [официальный сайт]. – URL: http://www.economy.gov.ru/material/file/08f25bcd101aacc2ad6142099117dccc/pasport_fp_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf (дата обращения: 23.11.2022). – Текст: электронный.

² О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: экспертное заключение по проекту Федерального закона № 424632-7: [принято на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17 января 2019 г. № 183-1/2019]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2022). – Текст: электронный.

нятий права и цифровой экономики, взаимосвязанных между собой. Сам факт появления такой статьи в Гражданском кодексе РФ является логичным ответом на те вызовы, которые стоят перед правовой системой, а существующая в публичном пространстве дискуссия свидетельствует о важности и значимости данного вопроса.

Т.Н. Михеева подчеркивает актуальность создания правовых условий для формирования электронного гражданского документооборота [5, с. 119]. В этом смысле требуются правовое регулирование толкования электронного документа и регулирование электронных форм сделок, смарт-контрактов, процедур хранения электронных документов и т.п. В современное время отмечается наличие определенных проблем, сопряженных с применением смарт-контракта в гражданском обороте. В частности, Л.Г. Ефимовой приводятся возможности применения на практике разных вариантов смарт-контракта, помимо исполнения традиционного гражданско-правового договора [6, с. 58]. Это требует внесения дополнений в Гражданский кодекс РФ, например в части регулирования порядка исполнения аккредитива.

Соответственно, совершенствование гражданского законодательства связано с необходимостью правового регулирования гражданских правоотношений, осуществляемых с применением цифровых технологий, а также с возникновением новых объектов гражданского права.

Отмечая достижения в формировании правового регулирования цифровой среды, можно выделить несколько направлений, по которым приняты соответствующие законы и правовые акты.

1. Применение цифровых технологий в судопроизводстве, в том числе электронных форм ходатайств, исковых заявлений, дистанционное участие в судебных заседаниях.

2. Введение электронного кадрового документооборота.

3. Совершенствование процедур идентификации организациями.

4. Стандартизация области технологий «интернет вещей» и «промышленный интернет вещей».

5. Создание национальной системы управления данными.

6. Внедрение механизма удаленной биометрической идентификации.

7. Развитие технологий машиночитаемого права.

8. Взаимодействие операторов электронного документооборота.

Итак, можно говорить о том, что за последние несколько лет сложилась развитая система правового регулирования цифровой трансформации экономики, которая была разработана и внедрена в достаточно короткие сроки. Конечно, эта система является несовершенной и требует дальнейшей проработки, однако в ней заложены концептуально новые подходы в правовой сфере.

Формирование новых законодательных актов, регулирующих цифровизацию экономики, происходит на разных уровнях. Систематизируя данные, можно говорить о существовании многоуровневой системы правового регулирования цифровизации, представленной в таблице.

Уровни правового регулирования цифровой экономики

Наименование уровня	Перечень нормативных правовых актов
Федеральный	Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.». Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Поручения Президента РФ от 31 декабря 2020 г. № Пр-2242 «Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту». Федеральные законы, утверждаемые в рамках нормативного регулирования цифровой среды
Региональный	Стратегии в области цифровой трансформации экономики, социальной сферы и государственного управления субъекта Федерации
Отраслевой	Ведомственные программы цифровой трансформации, распоряжения Правительства РФ, устанавливающие стратегические направления в конкретных отраслях
Муниципальный	Не развит

Формирование национальной экономики в новом качестве в условиях четвертой промышленной революции было закреплено Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.»³, фундаментальной правовой осно-

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

вой реализации которого выступила Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Обозначенные документы формируют «верхний» федеральный уровень системы правового регулирования цифровой экономики.

Региональный уровень представлен стратегиями в области цифровой трансформации, которые разработаны в каждом регионе Российской Федерации. Такие стратегии определяют приоритеты, цели и задачи для отдельного региона, стоящие перед каждой отраслью вызовы и проблемы, а также планируемые к реализации проекты, характеризующие их показатели и прогнозируемые значения.

Отраслевой уровень документов представлен ведомственными программами, конкретизирующими проекты цифровизации в отрасли [7]. Например, для агропромышленного комплекса нормативными актами данного уровня выступают Ведомственная программа цифровой трансформации⁴ и Распоряжение Правительства РФ № 3971-р⁵.

Если законодательные акты федерального уровня устанавливают правовой базис информатизации, то документы отраслевого и регионального уровней определяют направления цифровой трансформации, используемые инструменты, особенности осуществления процесса в конкретных отраслях экономики. При этом муниципальный уровень правового регулирования остается пока неразвитым, а муниципальные образования выстраивают свою работу в рамках региональной стратегии. Представляется, что данному уровню следует уделять больше внимания, поскольку вследствие сильных различий в экономическом, пространственном развитии каждое муниципальное образование должно разрабатывать собственные пути реализации задач цифровизации, поставленные перед ним регионом.

Соответственно, можно выделить два основных проявления содержательного преобразования права: формирование общей системы нормативно-правового регулирования цифровизации экономики; развитие регионального и отраслевого законодательства.

Обобщая сказанное, следует отметить несколько принципиально важных проблем, стоящих сегодня перед системой правового регулирования цифровизации экономики.

1. Проблема верификации знания и установления стандартов понятийного инструментария, т.е. недостаточное теоретико-познавательное обоснование и удостоверение истинности знания.

2. Незрелость муниципального уровня правового регулирования происходящих процессов.

3. Возникновение рисков незаконного использования личных данных граждан, угрозы безопасности в информационном пространстве.

Цифровой экономике необходима не только полноценная многоуровневая система правового регулирования, но и «нравственный стиль мышления» [8, с. 17]. Это связано с тем, что происходящие процессы обезличивания правоотношений и перехода в виртуальный мир сделок и документов сопряжены с наращиванием возможностей злоупотреблений и мошенничества. Следовательно, главная задача правового регулирования заключается в максимальном сокращении потенциальных рисков.

Заключение

Государственный вектор в развитии отечественной экономики, направленный на ее цифровизацию, основывается на действующей нормативно-правовой базе, ее совершенствовании и требует разработки принципиально новых законодательных актов, которые должны закреплять новые термины, устанавливать правовые основы регулирования цифровой среды и применения ее инструментов. При этом в настоящее время основная задача права заключается не только в регулировании происходящих процессов цифровизации, но и в создании безопасной цифровой среды для граждан и всех ее участников.

⁴ Ведомственная программа цифровой трансформации Министерства сельского хозяйства Российской Федерации на 2021–2023 гг.: [утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 7 октября 2021 г. № 34]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2022). – Текст: электронный.

⁵ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации: [от 29 декабря 2021 г. № 3971-р]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.11.2022). – Текст: электронный.

Список литературы

1. Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 4–23.
2. Гаджиева Х.В., Омарова З.Н. Вопросы правового регулирования цифровой трансформации финансовой системы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 1. – С. 91–93.
3. Разуваев Н.В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 1. – С. 18–38.
4. Яковлева-Чернышева А.Ю., Дружинина А.В. Правовое регулирование процессов цифровизации в России: гражданско-правовой аспект // Юридические исследования. – 2021. – № 8. – С. 51–62.
5. Михеева Т.Н. К вопросу о правовых основах цифровизации в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – № 9. – С. 114–122.
6. Ефимова Л.Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 8. – С. 52–62.
7. Тропина Д.В. Цифровое сельское хозяйство: вопросы правового обеспечения // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 8. – С. 134–137.
8. Быков А.Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. – Москва: Проспект, 2021. – 24 с.

References

1. Tihomirov Yu.A., Kichigin N.V., Comartova F.V., Bal'haeva S.B. Pravo i cifrovaya informaciya // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2021. – № 2. – S. 4–23.
2. Gadzhieva H.V., Omarova Z.N. Voprosy pravovogo regulirovaniya cifrovoj transformacii finansovoj sistemy // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2021. – № 1. – S. 91–93.
3. Razuvaev N.V. Cifrovaya transformaciya sub'ektivnyh grazhdanskih prav: problemy i perspektivy // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. – 2021. – № 1. – S. 18–38.
4. Yakovleva-Chernysheva A.Yu., Druzhinina A.V. Pravovoe regulirovanie processov cifrovizacii v Rossii: grazhdansko-pravovoj aspekt // Yuridicheskie issledovaniya. – 2021. – № 8. – S. 51–62.
5. Miheeva T.N. K voprosu o pravovyh osnovah cifrovizacii v Rossijskoj Federacii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. – 2019. – № 9. – S. 114–122.
6. Efimova L.G. Al'ternativnyj vzglyad na pravovoe regulirovanie grazhdansko-pravovyh otnoshenij v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2021. – T. 16, № 8. – S. 52–62.
7. Tropina D.V. Cifrovoe sel'skoe hozyajstvo: voprosy pravovogo obespecheniya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2021. – № 8. – S. 134–137.
8. Bykov A.Yu. Pravo cifrovoj ekonomiki: nekotorye narodno-hozyajstvennye i politicheskie riski. – Moskva: Prospekt, 2021. – 24 s.

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Новоженина Инна Владимировна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: Novogeninaiv@yandex.ru,

¹Российский государственный гуманитарный университет,
филиал в г. Домодедово, г. Москва, Россия

Рассматриваются конституционные поправки 2020 г. как начало нового этапа развития отношений российского государства и гражданского общества. Подход основан на конституционном закреплении таких ключевых приоритетов, как социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность, поддержка государством институтов гражданского общества. Целью исследования являются выявление и анализ получивших конституционную легитимацию основных тенденций, определяющих взаимоотношения государства и гражданского общества в условиях глобального кризиса и всестороннего давления на Российскую Федерацию, а также механизмов их реализации. По мнению автора, конституционная новелла не только конкретизирует параметры социального государства и отражает заинтересованность государства в развитии гражданского общества, но и закрепляет новую модель отношений с гражданским обществом. При этом государство принимает на себя ответственность за повышение активности и инициативности гражданского общества, его вовлечение в решение государственных задач. Делается вывод о конституционном закреплении двойственной концепции социального государства, ответственного за социальное партнерство в широком смысле. В результате исследования обосновывается значение категории взаимной правообязанности власти и общества в построении партнерских отношений.

Ключевые слова: Конституция, социальное государство, социальное партнерство, гражданское общество, индивидуальная свобода, солидарность

CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONSOLIDATION OF TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL CRISIS

Novozhenina I.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: Novogeninaiv@yandex.ru,

¹Russian State University for the Humanities,
a branch in Domodedovo, Moscow, Russia

The article discusses the constitutional amendments of 2020 as the beginning of a new stage in the development of relations between the Russian state and civil society. The approach is based on the constitutional consolidation of such key priorities as social partnership, economic, political and social solidarity, state support for civil society institutions. The aim of this article is to identify and analyze the main trends that have received constitutional legitimation that determine the relationship between the state and civil society in the context of the global crisis and comprehensive pressure on the Russian Federation and the mechanisms for their implementation. According to the author, the constitutional novel not only specifies the parameters of the social state and reflects the interest of the state in the development of civil society but also consolidates a new model of relations with civil society. At

the same time, the state assumes responsibility for increasing the activity and initiative of civil society, its involvement in solving state problems. The author comes to the conclusion about the constitutional consolidation of the dual concept of the social state responsible for social partnership in a broad sense. As a result, the importance of the category of mutual legal obligation of the authorities and society in creating partnerships is substantiated.

Keywords: Constitution, social state, social partnership, civil society, individual freedom, solidarity

DOI 10.21777/2587-9472-2023-1-17-23

Введение

Глобальные вызовы современности, необходимость обеспечить устойчивое развитие России, а также стремление к разрешению «вечной» проблемы соотношения и оптимального взаимодействия личности, общества и государства в конкретных исторических условиях, отягощенных мировым экономическим и геополитическим кризисом, вызвали к жизни Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон РФ о поправке)¹.

Прежде всего, акцентируем внимание на том, что в самом наименовании Закона РФ о поправке заключен механизм его действия, ключевой способ решения поставленных задач, а именно: путем совершенствования организации и функционирования публичной власти. В результате реформы государство на конституционном уровне конкретизирует и закрепляет свои актуальные приоритеты и принципы взаимодействия с обществом, а также определяет ответственных за их реализацию органов государственной власти и обязанности последних.

В условиях беспрецедентного глобального давления извне Россия оказалась перед выбором: следовать ли путем сворачивания социальных программ и редуцирования реального действия конституционно-правового принципа социальности государства или же путем движения к новой модели социального государства, вобравшего в себя как положительный опыт СССР и Российской Федерации, так и положительный зарубежный опыт [1, с. 4]? При этом возникла необходимость поиска концептуального решения вопроса о соотношении и формах взаимодействия государства и гражданского общества в новых обстоятельствах.

Целью исследования являются выявление и анализ получивших конституционное закрепление основных тенденций, определяющих взаимоотношения российского государства и гражданского общества в столь непростых исторических условиях, а также механизмов их реализации.

Конституционная легитимация тенденций, определяющих отношения российского государства и общества, в качестве основ федеративного устройства

Законом РФ о поправке основы федеративного устройства Российской Федерации дополнены ст. 75.1 Конституции РФ, положения которой становятся единым федеральным стандартом, мерой соотношения прав и обязанностей государства и гражданина. Конституционная новелла закрепляет приоритеты, характеризующие взаимоотношения и формы взаимодействия государства и гражданского общества, указывая, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: [от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 11 марта 2020 г., одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 11 марта 2020 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

Безусловно, такое «расширение социально-ценностной базы Основного закона выступает элементом прогрессивного развития отечественного конституционализма» [2, с. 74].

Конституционный Суд РФ справедливо установил направленность новой ст. 75.1 Конституции Российской Федерации на «достижение в государственной политике, правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности»², что возможно только путем эффективного взаимодействия государства и гражданского общества.

Подчеркивается, что «гражданское общество есть способ организации экономических, производственных отношений, где личные интересы развиваются до степени коллективных, которые, в свою очередь, воспринимаются через интересы, права и свободы отдельной личности в силу того, что отношение между государством и гражданским обществом есть отношение между публичной властью и индивидуальной свободой» [3, с. 338].

Соответственно, конституционная новелла не только конкретизирует параметры социального государства и отражает заинтересованность государства в развитии гражданского общества, опосредующего интересы, права и свободы отдельной личности, но и закрепляет новую модель отношений с гражданским обществом.

Анализ ст. 75.1 Конституции РФ и введенных взаимосвязанных с ней норм позволяет заключить, что поправкой конституционно закреплена тенденция к установлению паритета, партнерства, солидарности в отношениях российского социального государства и общества. Более того, ст. 75.1 Конституции РФ является конституционно-правовым выражением концепции партнерства государства и общества. Устанавливаются взаимообусловленность и равноценность такого общего блага, как экономический рост страны, а также индивидуального блага – благосостояния граждан. Конституируется базис паритетных партнерских отношений – взаимное доверие государства и общества. При этом государство принимает на себя ответственность за обеспечение защиты достоинства граждан и уважение человека труда, как необходимых составляющих партнерства, а также за сбалансированность прав и обязанностей гражданина.

В конституционно-правовой норме впервые непосредственно закрепляются «социальное партнерство», «экономическая, политическая и социальная солидарность», как ключевые характеристики взаимоотношений государства и общества, а также, что особенно ценно, ответственность государства за реализацию концепции партнерства государства и общества.

В настоящее время термин «социальное партнерство» принято использовать, как минимум, в двух значениях: в узком понимании – как систему связей между субъектами трудовых и связанных с ними отношений исключительно в сфере труда, что получило нормативное закрепление в трудовом законодательстве РФ; в широком смысле – как систему связей, сотрудничество не только в сфере названных отношений между указанными субъектами, но и наряду с ними и в иных сферах между общественными организациями, социальными группами и т.п. В нашем исследовании интерпретация ст. 75.1 Конституции РФ дается с позиции максимально широкого понимания социального партнерства, пронизывающего все общество, заложенного в контексте данной конституционной нормы [4].

Следовательно, в условиях глобального кризиса российское государство выбирает курс на активную социальную политику, расширение социальности государства. Второй тенденцией является установление партнерства как формы оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности.

Насколько своевременны и реализуемы приведенные идеи в сегодняшних исторических обстоятельствах?

В свое время, анализируя новые социалистические идеи, а именно гуманистическую инициативу социальной активности государства, Г. Спенсер пришел к убеждению о том, что развитие таких от-

² О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного Суда Российской Федерации: [от 16 марта 2020 г. № 1-3]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037?index=49&rangeSize=1> (дата обращения: 11.01.2022). – Текст: электронный.

ношений государства и личности – путь к рабству. Человеческая природа, несовершенства характера управляемых приводят к тому, что «мысль о том, что желанная цель должна быть достигнута личной энергией или ассоциациями частной инициативы, делается с каждым поколением все более и более чуждой людям, тогда как убеждение в том, что эта цель должна быть достигнута при помощи правительства, становится все более и более привычным, и, наконец, вмешательство правительства начинает считаться единственно практическим способом» [5, с. 424]. В результате общество утрачивает инициативу и контроль, а индивид подчиняется управляющей части нации, как раб своему господину. При этом мыслитель не отрицает возможность справедливой организации общества и называет средства: «Преуспевание общества и доля справедливости в его организации зависят в сущности от характера его членов, ...никакой прогресс не может осуществляться без усовершенствований в характере, происходящих от мирного труда, подчиненного правилам хорошо регулируемой социальной жизни» [Там же, с. 435].

Интерпретируя Г. Спенсера, можно заключить, что антипод рабства – свобода – достигим лишь при активности и инициативности общества, в государстве, которое оптимально организует социальную жизнь, поддерживает частную инициативу и ограничивает свое вмешательство в дела общества.

Современное российское социальное государство уходит от чистого патернализма и актуализирует идею социального партнерства в широком смысле. Именно дуализм идеи социального государства, ответственного за социальное партнерство, позволяет преодолеть риски утраты обществом инициативы и контроля над государством, а также обеспечить в полной мере реализацию партнерских отношений, основанных на согласовании интересов.

Ключевые элементы конституционно-правового механизма реализации концепции социального государства, ответственного за социальное партнерство

Концепция партнерства государства и общества получает развитие, а также обретает механизм реализации в новой редакции ст. 114 Конституции РФ. В соответствии с обозначенной в ст. 75.1 Конституции РФ неперсонифицированной ответственностью государства Правительство Российской Федерации приобретает дополнительные полномочия и принимает на себя ответственность за реализацию концепции партнерства государства и общества. Так, согласно поправке к Конституции РФ (п. «е. 1» – «е. 4» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ) высший орган исполнительной власти РФ осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики, а также осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности, содействует развитию предпринимательства и частной инициативы, способствует реализации принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

В приведенных нормах находит выражение идея государства, реализующего партнерские отношения с обществом. При этом государство принимает на себя ответственность за продвижение самой идеи партнерства, повышение активности и инициативности гражданского общества, его вовлечение в решение государственных задач.

Закрепление принципа и ключевых элементов механизма его реализации на конституционном уровне означает усиление заинтересованности государства в построении открытых отношений с гражданским обществом, получении одобрения принимаемых решений со стороны общества, согласовании непопулярных решений на приемлемых условиях. Целями являются укрепление авторитета государственной власти, сплочение общества и государства, формирование готовности граждан участвовать в государственных делах и принимать на себя ответственность за судьбу государства.

Императивная формулировка п. «е. 1» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, устанавливая обязанность Правительства Российской Федерации обеспечить участие институтов гражданского общества в выработке и проведении государственной политики, косвенно закрепляет обязанности гражданского общества по отношению к государству, поскольку в одностороннем порядке государство не может обеспечить участие институтов гражданского общества в управлении государством. Со своей стороны, граж-

данское общество должно проявлять инициативу и активно участвовать в партнерстве с государством, т.е. разделить с ним обязанности по выработке и проведению государственной политики.

Точнее речь может идти о категории «правообязанности». Именно к этой категории обращался евразиец-правовед Н.Н. Алексеев, определяя специфику государственно-правовых систем Запада и России, формулируя представление о совершенном государстве на основе разрешения проблемы соотношения личности, общества и государства. Состояние правообязанности, по его мнению, отличается проникновением в правоотношения начал публичности, понимаемых как отказ от частных интересов, осознание необходимости служения и жертвы, благодаря чему право становится обязанностью, и наоборот. В 20-е гг. XX в. он обосновывал историческую необходимость для нашего государства культивировать тип правоотношений, в которых правообязанностям на одной стороне соответствуют правообязанности и на другой. Правообязанности в концепции правоведа – это «соединенные со свободным усмотрением обязанности по участию в государственной власти» [6, с. 160]. При этом не происходит отрыв управляющих от управляемых, а права одних не противостоят правам других. Вместе с тем Н.Н. Алексеев признает, что право, которым необходимо воспользоваться, как того требует государство, уже перестает быть свободной возможностью. Правообязанность становится обеспеченной государством необходимостью совершать определенные действия, причем как глубоко осознанные, необходимые. Соответственно, обязанность воспринимается как свободная возможность, осуществляемая только через внутреннее осознание необходимости принадлежности к целому, через необходимый отказ от индивидуальной свободы в пользу общего блага.

Созвучной представляется идея современного правоведа Л.С. Мамута, обосновывающего необходимость конституционной легитимации не столько внешней обязанности, сколько внутренней потребности, морального долга каждого, кто разделяет принципы демократически-правового государства, осуществлять деятельность, направленную к материальному или духовному прогрессу государствообразующего общества [7, с. 127].

Конституционная легитимация такой взаимной «правообязанности» государства и общества, с одной стороны, обеспечивает стремление государства к гармонизации отношений с обществом, особенно актуальной в кризисный период, а с другой – составляет гарантию функционирования самих институтов гражданского общества и принципов правового государства.

Например, местное самоуправление, как институт гражданского общества, «состоится в России только в том случае, если для этого есть воля и сознательная самоорганизация со стороны населения, способность и готовность потратить личное время, а порой и средства для решения общих для муниципального сообщества проблем. Безусловно, готовность жителей муниципального образования, хотя бы сформулировать и озвучить свои интересы, необходима, чтобы усилия законодателя и органов местного самоуправления по вовлечению гражданского общества в процесс муниципального управления не остались тщетными» [8].

В контексте приведенных аргументов концепция взаимных «правообязанностей» государства и общества наилучшим образом отвечает идее социального партнерства и требует дальнейшего теоретического развития и легитимации.

Заключение

Солидарность и социальное партнерство в широком смысле являются достаточно абстрактными категориями, а их конституционная легитимация предполагает последующую нормативную разработку и внедрение четких механизмов реализации. В противном же случае эти принципы взаимодействия государства и общества так и останутся на бумаге.

Анализ ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации по итогам работы с учетом Закона РФ о поправке позволяет прийти к выводу о стремлении власти к обратной связи с гражданским обществом и принятию решений при участии гражданского общества. Так, по информации Председателя Правительства РФ, в условиях пандемии высшими органами государственной власти сформирована новая система принятия решений «с учетом десятков тысяч предложений, которые поступали со

всей страны... В основе этой работы – полная и достоверная обратная связь с людьми, предприятиями и регионами, о важности которой постоянно говорит Президент РФ»³.

Убедительным примером участия институтов гражданского общества в выработке и проведении государственной политики можно назвать процесс разработки Правительством РФ единого плана по достижению национальных целей – стратегического документа, который связывает в единое целое и указы Президента РФ, и национальные проекты. В его подготовке участвовали не только органы власти, но и гражданское общество. Единый план прошел обсуждение с представителями Общественной палаты РФ, Общероссийского народного фронта, делового и экспертного сообществ⁴.

В соответствии с целями проведенного исследования можно сделать определенные выводы. Конституционная реформа, во-первых, задала направление развития отношений российского социального государства и гражданского общества в форме партнерства, во-вторых, определила ответственную роль государства в лице Правительства РФ в реализации идеи социального партнерства в широком смысле, в-третьих, опосредованно закрепила участие институтов гражданского общества в выработке и проведении государственной политики в качестве «правообязанности».

Список литературы

1. *Аристов Е.В.* Социальность государства: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. – Москва, 2017. – 46 с.
2. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – Москва: Норма, 2020. – 240 с.
3. *Дроздова А.М., Комаров С., Комарова Т.Л., Комаров В.С., Оробец В.М., Полищук Н., Ревнова М.Б., Ревнов Б.А., Курмаев Р.М., Ивлиев П.В.* Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 409 с.
4. *Чуча С.Ю.* Эволюция источников правового регулирования социального партнерства в РФ: от указа Президента до Конституции // Ежегодник трудового права: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Б. Хохлов. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – Вып. 11. – С. 215–228.
5. *Спенсер Г.* Личность и государство // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли (серия «Общественная мысль: исследования и публикации»). – Москва: Наука, 1995. – С. 414–435.
6. *Алексеев Н.Н.* Обязанность и право // Русский народ и государство. – Москва: Аграф, 2000. – 640 с.
7. *Мамут Л.С.* Народ в правовом государстве. – Москва: Норма, 1999. – 160 с.
8. *Тимофеев Н.С.* Гражданское общество в системе муниципальной демократии // Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы: монография / рук. авт. колл. и отв. ред. С.А. Авакьян. – Москва: Юстицинформ, 2015. – С. 213–229.

References

1. *Aristov E.V.* Social'nost' gosudarstva: zarubezhnyj opyt konstitucionno-pravovogo obespecheniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.02. – Moskva, 2017. – 46 s.
2. *Habrieva T.Ya., Klishas A.A.* Tematicheskij kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti". – Moskva: Norma, 2020. – 240 s.
3. *Drozdova A.M., Komarov S., Komarova T.L., Komarov V.S., Orobec V.M., Polishchuk N., Revnova M.B., Revnov B.A., Kurmaev R.M., Ivliev P.V.* Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod red. S.A. Komarova. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Yurajt, 2023. – 409 s.

³ Стенограмма отчета Михаила Мишустина о работе Правительства в Государственной Думе. – URL: <http://www.rg.ru/2022/04/07/stenogramma-otchet-mihaila-mishustina-v-gosdume-o-rabote-pravitelstva.html> (дата обращения: 14.01.2023). – Текст: электронный.

⁴ Там же.

4. *Chucha S.Yu.* Evolyuciya istochnikov pravovogo regulirovaniya social'nogo partnerstva v RF: ot ukaza Prezidenta do Konstitucii // *Ezhegodnik trudovogo prava: sb. nauch. st. / otv. red. E.B. Hohlov.* – Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2021. – Vyp. 11. – S. 215–228.
5. *Spenser G.* Lichnost' i gosudarstvo // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli (seriya "Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikacii"). – Moskva: Nauka, 1995. – S. 414–435.
6. *Alekseev N.N.* Obyazannost' i pravo // *Russkij narod i gosudarstvo.* – Moskva: Agraf, 2000. – 640 s.
7. *Mamut L.S.* Narod v pravovom gosudarstve. – Moskva: Norma, 1999. – 160 s.
8. *Timofeev N.S.* Grazhdanskoe obshchestvo v sisteme municipal'noj demokratii // *Grazhdanskoe obshchestvo kak garantiya politicheskogo dialoga i protivodejstviya ekstremizmu: klyuchevye konstitucionno-pravovye problemy: monografiya / ruk. avt. koll. i otv. red. S.A. Avak'yan.* – Moskva: Yusticinform, 2015. – S. 213–229.

УДК 343.34

САБОТАЖ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Александров Александр Сергеевич¹,
e-mail: alexsandrowalexsandrow@gmail.com,

Борзина Елена¹,
e-mail: iamelenamixailovna@gmail.com,

Цыганков Александр Юрьевич¹,
канд. юрид. наук,
e-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

В настоящее время возникла необходимость сформулировать дефиницию такого важного многоаспектного явления в правовой науке, как «саботаж», учитывая изменения, привносимые сегодня в смысл этого понятия, а также актуальную дифференциацию и правовую регламентацию составов преступлений, перечисленных в ст. 281 Уголовного кодекса РФ, которая предусматривает ответственность за совершение диверсии и в ст. 285.4 названного кодекса, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, что принципиально важно для правильной квалификации отдельных преступных деяний, в чем выражается актуальность данной темы, детерминируемой, в частности, проводимой в настоящее время специальной военной операцией. Авторами анализируются исторические предпосылки возникновения рассматриваемого понятия, а также сложившиеся в юридической науке и международном праве точки зрения, указывается на необходимость имплементации понятия «саботаж» в Уголовный кодекс РФ с учетом реалий сегодняшнего дня. Исследуются отдельные правовые аспекты преступления данного вида и приводится их правовая характеристика. Формулируется предложение внести термин «саботаж» в Уголовный кодекс РФ как квалифицирующий признак отдельных преступных деяний.

Ключевые слова: саботаж, диверсия, терроризм, диверсионная деятельность, уголовная ответственность

SABOTAGE IN MODERN RUSSIA AS A FACTOR AFFECTING THE SECURITY OF THE STATE

Alexandrov A.S.¹,
e-mail: alexsandrowalexsandrow@gmail.com,

Borzina Ye.¹,
e-mail: iamelenamixailovna@gmail.com,

Tsygankov A.Yu.¹,
Candidate of Legal Sciences,
e-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru,
¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

Currently, there is a need to formulate a definition of such an important multidimensional phenomenon in legal science as “sabotage”, taking into account the changes introduced today in the meaning of this concept, as well as the actual differentiation and legal regulation of the elements of crimes listed in Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for responsibility for committing sabotage and in Article 285.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for abuse of official powers in the execution of a state defense order, which is fundamentally important for the correct qualification of individual criminal acts, which expresses the relevance of this topic, determined, in particular, by the special military opera-

tion currently underway. The authors analyze the historical prerequisites for the emergence of the concept under consideration, analyze the points of view that have developed in legal science and international legislation, and point out the need to implement the concept of sabotage in the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the present day realities. Certain legal aspects of this type of crime and their legal characteristics are considered. The authors formulate a proposal to introduce the concept of “sabotage” into the Criminal Code of the Russian Federation as a qualifying sign of individual criminal acts.

Keywords: sabotage, wrecking, terrorism, sabotage attack, criminal liability

DOI 10.21777/2587-9472-2023-1-24-29

В последние десятилетия коренное реформирование общественных отношений в международных политических и экономических сферах сопровождалось возросшим уровнем напряженности в обществе, а также увеличением конкуренции норм права в межгосударственных отношениях. Все эти факторы существенно снижают уровень жизни граждан многих государств, а также провоцируют различные негативные тенденции в социуме, тем самым повышая уровень угрозы для безопасности Российской Федерации.

Напряженность в обществе и деятельность отдельных должностных лиц по обеспечению оборонной безопасности государства стали объектом общественного интереса и критики различных слоев общества. При проведении частичной мобилизации в средствах массовой информации периодически появляются публичные обвинения в адрес региональных властей в срыве или же саботаже проводимых мероприятий, которые наносят значительный ущерб имиджу государства на конкретных направлениях работы. В данной ситуации все более актуальными становятся вопросы предотвращения саботажа в отдельных регионах, а также в деятельности должностных лиц. Встает важный вопрос о необходимости введения темпорально лимитированной уголовной ответственности за саботаж в период проведения специальной военной операции¹, т.е. ее временно действующего статуса, при включении оговорки, что к ней привлекаются только в связи с определенными событиями, такими как, например, упомянутая специальная военная операция, или же при наличии других обстоятельств, например в связи с введением чрезвычайного положения.

Своими историческими корнями термин «саботаж» уходит в советский период, когда в Уголовном кодексе РСФСР, который был принят в 1926 г. и действовал вплоть до 1958 г., он квалифицировался как «контрреволюционное» преступление, соответствующая ответственность за совершение которого предусматривалась ст. 58 и определялась как «сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата» [1, с. 310].

Наказания, предусмотренные за «контрреволюционный саботаж», были весьма серьезными, такими как конфискация всего или части имущества и тюремное заключение не менее одного года, с возможностью повышения меры наказания, особенно при отягчающих обстоятельствах, вплоть до смертной казни с конфискацией. В годы Великой Отечественной войны в работе советских судов в связи с непростой военной ситуацией и участившимися случаями саботажа в различных отраслях производства произошли существенные изменения: Приказом Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) СССР от 29 июня 1941 г. № 106 «О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад» выдерживался курс на преемственность в борьбе с врагами народа и ставились задачи «быстро, без волокиты и бюрократизма истреблять государственных преступников, беспощадно карать за любое нарушение закона и неисполнение распоряжений органов власти» [2].

В связи с усилением централизации государственного управления Наркомат государственной безопасности СССР и Наркомат внутренних дел СССР 20 июля 1941 г. были слиты в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР (далее – НКВД СССР). Компетенция территориальных органов госбезопасности при этом существенно дополнилась Директивой НКВД СССР от 8 августа 1941 г.

¹ О признании Донецкой Народной Республики: указ Президента Российской Федерации: [от 21 февраля 2022 г. № 71]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст: электронный.

№ 314/9404 «Об организации работы экономических отделов НКВД – УНКВД по оперативному обслуживанию предприятий оборонной промышленности», кроме прежних задач, таких как «пресечение всяких попыток антисоветских элементов путем вредительства, диверсии, саботажа нарушить нормальную работу предприятий оборонной промышленности и связи и выявление шпионов иностранных разведок» [3].

Согласно справке Министерства государственной безопасности о количестве осужденных за контрреволюционные преступления и бандитизм, которые находились в лагерях и колониях по состоянию на 1 июля 1946 г., из 1 371 986 заключенных 516 592 отбывали наказание за контрреволюционные преступления, из которых по статье «Контрреволюционный саботаж» были привлечены к ответственности 30 944 человека². Многие осужденные за контрреволюционные преступления были приговорены к различным срокам тюремного заключения за измену Родине и антисоветскую агитацию (в современном понимании – дискредитация вооруженных сил посредством «фейков»³ и участие в антигосударственной деятельности, направленной на подрыв исправного функционирования государственного аппарата на местах, вооруженных сил и производственных предприятий). Следует отметить, что помимо известного нам саботажа отдельными статьями наказывались такие преступления, как вредительство и диверсия. По статье «Контрреволюционный саботаж» осуждались и лица, которые отказывались от работы в местах заключения свободы или совершали побег из мест отбывания наказания.

В уголовном законодательстве СССР саботаж относился к тяжким преступным деяниям, однако с течением времени изменился подход к квалификации данного деяния. В настоящее время в Российской Федерации саботаж перестал быть «самостоятельным преступлением» (т.е. в особенной части Уголовного кодекса РФ в перечне всех преступных деяний отсутствует состав, характеризующий саботаж).

Такие преступные деяния, как саботаж, строго наказывались не только в Советском Союзе, но и в других странах того исторического периода. Во время войн участники движения сопротивления (партизаны) на оккупированных территориях всегда используют саботаж и диверсии как метод борьбы, а регулярные вооруженные силы всегда пресекают такие деяния.

Все стороны конфликта в целом серьезно относились к таким преступным деяниям, как саботаж. Это нашло свое отражение в современном американском законодательстве, в котором саботаж определяется как «умышленное повреждение, уничтожение, загрязнение или заражение либо попытка осуществить данное действие в отношении оборонных и военных сооружений, материалов или приспособлений с намерением причинить вред или помехи обороне США (в мирное время), причинить вред или помешать США или какой-либо ассоциированной нации в военных приготовлениях, в ведении войны или оборонных действий (в военное время или в период действия чрезвычайного положения)». Наказание, предусмотренное за саботаж в США, в зависимости от тяжести преступления составляет от пяти лет лишения свободы и вплоть до пожизненного заключения [4].

Следует отметить, что после 1958 г. саботаж перестал считаться в советском уголовном законодательстве преступлением, поскольку органы партии официально заявляли, что соответствующий вид преступления в Советском Союзе полностью отсутствует. Сегодня термин «саботаж» нашел свое отражение в ст. 281 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), в которой используется термин «диверсия» как синоним вредительской деятельности и указываются возможные варианты наказания за такие преступные действия. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. подробно описывает сущность вредительства, перечисляя противоправные действия, входящие в это понятие, и предусматривая конкретные виды наказания [5]. После 1994 г. диверсионная деятельность вовсе не рассматривалась в УК РФ. На практике же очевидно, что это решение законодателя принято преждевременно. Работниками органов безопасности отмечаются случаи противоправных деяний, схожих по своему содержанию с саботажем. По сравнению с предыдущими трактовками структура данного преступления в настоящее время несколько изменилась: были включены действия, которые влекут за собой уничтожение и (или) значительное разрушение зданий, объектов транспортной структуры, промышленных предприятий, объектов связи и др., что, по сути, формирует выраженный смежный состав с диверсией. Однако при этом очень важна цель

² Мозохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953). – Москва: Алгоритм, 2016. – 448 с.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон: [от 13 июня 1996 г. (ред. от 3 апреля 2023 г.)]. – Ст. 207.3. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.04.2023). – Текст: электронный.

этих действий, поскольку для квалификации саботажа указанные преступления должны иметь такую цель, как подрыв обороноспособности государства и нанесение ущерба безопасности его экономике.

Важным квалификационным признаком саботажа является характер исполнения: кем, как и при каких обстоятельствах он был осуществлен. В данном случае речь идет не только о саботаже, выраженном, например, в диверсионных действиях на определенных предприятиях, носящих систематический характер, или в подрыве их производительности посредством инспирированных заинтересованными лицами акций отказа работников исполнять надлежащим образом свои обязанности, но и о действиях, подпадающих под рассматриваемое понятие, к которым причастны и государственные служащие.

Саботаж чиновников традиционно рассматривается как эпизодическое нежелание работать у отдельных госслужащих. В реальности же саботаж имеет постоянный и массовый характер. Он может проявляться в виде не только саботирования распоряжений и подтасовки результатов отдельными организованными группами чиновников-саботажников, но и действий «кланов» (большая часть клана получает возможность бездействовать на рабочих местах, а меньшая приобретает возможность реализовать цели клана (обычно в ущерб государственным интересам)) [6].

Помимо саботажа госслужащих существует и такой важный вид саботажной деятельности, как корпоративный саботаж – вредительские по отношению к компании действия, совершенные инсайдерами в силу самолюбия, мести, ярости и любых других причин на эмоциональной почве. Под термином «инсайдер» понимаются сотрудники организации, причем как нынешние, так и бывшие. Корпоративные диверсии всегда совершаются на эмоциональной почве [7]. При этом данный вид саботажа зачастую отличается от того же саботажа госслужащих тем, что саботажника не интересует финансовая выгода. Здесь можно встретить смежный с диверсией практический характер исполнения, например сотрудники, ведомые обидой на начальство, могут оказать прямое воздействие на работу предприятия, в частности удалив с рабочих компьютеров важные программные обеспечения и документацию.

При расследовании дел, связанных с саботажной деятельностью того или иного лица, в частности обладающего положением в государственном аппарате, важно учитывать, что признаки саботажа могут проявляться не только в осуществлении конкретных действий или в бездействии, но и при элементарном коммуникативном взаимодействии. Так, существует система речевого жанра коммуникативного саботажа – уклонения от ответа со своей структурой и стратегией [8], применение которой, как минимум, является нередким делом среди потенциальных саботажников. Важность этого критерия объясняется тем, что уклонение от ответа на вопросы, которые напрямую связаны с вопросами оборонной или экономической безопасности, по сути, тоже является саботажной деятельностью, намеренным воспрепятствованием эффективной работе государственных органов, осуществлению контрольно-надзорных функций и проведению важных расследований.

В редакции УК РФ от 1996 г. законодателем была особо подчеркнута нацеленность диверсии на уничтожение, повреждение, ликвидацию или разрушение тех предприятий, которые непосредственно связаны с народным хозяйством, обороной страны и обеспечением жизнедеятельности граждан.

Из перечня возможных диверсионных действий законодательством Российской Федерации были исключены такие преступления, как массовое уничтожение людей, умышленная организация эпидемий, распространение болезней животных, умышленное массовое отравление граждан страны и др. Перечисленные деяния, повлекшие гибель значительного числа населения государства, считаются отдельными самостоятельными преступлениями в некоторых статьях УК РФ.

Важность и необходимость оценки угрозы саботажа подкрепляются тем, что это преступное деяние используется законодательством иных стран с разными правовыми системами права. Так, саботаж является предметом уголовного законодательства Германии (ст. 87–89, 109 УК ФРГ), Франции (ст. 411-9, разд. 4, гл. 1, кн. 4, ст. 413-2, 413-6 УК Франции), США (§ 2151–2157, гл. 105, ч. 1, разд. 18 Свода законов США), Китая (ст. 300, 304, 380, 381 УК КНР) [9, с. 480].

Слово «саботаж» также неизменно используется в международной правовой практике и международной политике. Саботаж определяется в ст. 3.2.3, приложение D, Межгосударственного стандарта ГОСТ ISO 14971-2011, который введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии России от 13 декабря 2011 г. № 1261-ст, а также в следующем комментарии Министерства юстиции США о наложении штрафа на банк "BNP Paribas": «Пример "BNP Paribas"

должен стать предупреждением о том, что США готовы проводить политику санкций на всех уровнях. Размер штрафа имеет ясную внешнеполитическую составляющую. Хозяйствующим субъектам непозволительно заниматься саботажем внешнеполитического курса страны»⁴.

При более подробном рассмотрении конкретных примеров можно сделать вывод о том, что при любых обстоятельствах центр действий, который ущемляет законные права, определяется правоведами как «нация, государство и общественный мир» (см.: «Преступления и проступки против нации, государства и общественного спокойствия», кн. 4 УК Франции), а также относится к способности страны защищать себя и к объявлению преступления как саботажа. В некоторых определениях уголовных статей, указанных ранее, «саботаж» соединен с «вредительством», если применять терминологию УК РСФСР 1926 г. Частичное смешение этих определений имелось и в уголовном законодательстве после 1958 г. – новая трактовка понятия вредительства совместила в себе и специфику саботажа [10].

Говоря о саботаже, нужно отметить, что поскольку подобные деяния являются следствием деятельности государства, а количество данных преступлений не постоянно, то, соответственно, присутствует фактор неподготовленности, которым пользуются обвиняемые, пытаясь переqualифицировать пункты, чтобы их привлекали по ст. 205 УК РФ «Террористический акт», потому что у этой статьи тяжесть ниже, чем у саботажа. Следовательно, требуется четко разграничить эти преступления.

Основное отличие диверсии от террористического акта заключается в его мотиве. В частности, в случае саботажа возникает материальный ущерб, человеческие же жертвы не являются целью диверсии. Если преступник с самого начала стремится к массовому убийству, то это является очевидным признаком терроризма. Однако бывают и обратные случаи, когда преступниками планируется совершение менее тяжких преступлений, но результатом которых являются значительные жертвы: смерть одного или нескольких человек. В этом случае статья с наименее тяжкими последствиями заменяется новой статьей, а именно ст. 281 УК РФ. Если акт саботажа был подготовлен, но виновным не совершен, ст. 281 УК РФ применяется в совокупности с п. 3 ст. 30 УК РФ.

Важно отметить, что для наказания виновных за осуществление саботажа перед судом стоит достаточно серьезная задача – установить факты, найти доказательства и исследовать обстоятельства, позволяющие квалифицировать действия виновного в производстве саботажа, существенные квалифицирующие признаки которого были рассмотрены ранее.

Таким образом, саботаж может быть квалифицирующим признаком отдельных преступлений, предусмотренных ст. 281 и 285.4 УК РФ. Руководствуясь опытом международной практики и исходя из оценки ситуации, с которой в настоящее время сталкивается государство, а также задач, которые перед ним возникают в связи с событиями, детерминируемыми в тесной связи с проведением специальной военной операции, становится очевидной необходимость имплементации понятия «саботаж» в УК РФ с учетом всех особенностей, какими оно характеризуется сегодня, в качестве квалифицирующего признака отдельных видов преступлений. При этом внедрение данного понятия в законодательство должно происходить по темпорально лимитирующей формуле, касающейся периода проведения специальной военной операции, а в дальнейшем подобная практика темпорального установления может служить эффективным механизмом регулирования ситуаций, когда государство сталкивается с угрозами национальной безопасности без введения особых правовых режимов. Последние также могут оказаться предметом регулирования темпорально лимитированных уголовно-правовых норм, поскольку подобные ситуации являются факторным обстоятельством возникновения таких преступных деяний, как саботаж.

Список литературы

1. Вышинская З., Меньшагин В., Трайнин А. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И.Т. Голякова. – 2-е изд. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946. – 340 с.
2. Демидов А.М. Деятельность органов госбезопасности в сфере сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны // Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны: проблемы исследования и сохранения исторической памяти: материалы междунар. науч.- практ. конф. – 2018. – С. 84–88.

⁴ Швейцарская ежедневная газета «Новая цюрихская газета». – 2014. – 1 июля.

3. *Комаров Н.Я.* Государственный комитет обороны постановляет...: документы, воспоминания, комментарии. – Москва: Воениздат, 1990. – 430 с.
4. *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловской. – Москва: Новое издательство, 2005. – 84 с.
5. *Демидов М.А.* Борьба с саботажем как способ обеспечения развития промышленного производства СССР в период Великой Отечественной войны. Особенности квалификации // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С. 135–141.
6. *Манушин Д.В., Нуреев Р.М.* Саботаж российских чиновников и основные меры по борьбе с ним // Журнал институциональных исследований. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 55–69.
7. *Скрябин Т.С., Ситнов А.С.* Корпоративный саботаж: особенности и рекомендации по предотвращению // Вестник магистратуры. – 2018. – № 3-2. – С. 34–35.
8. *Андреева В.Ю.* Коммуникативный саботаж как средство реагирования в ситуации речевой провокации // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 7–12.
9. *Шарп Дж.* Политика ненасильственного действия. Часть 3. Динамика ненасильственного действия. – 1985.
10. *Демидов М.А.* Предпосылки криминализации саботажа в современной России // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 4. – С. 106–115.

References

1. *Vyshinskaya Z., Men'shagin V., Trajnin A.* Ugolovnyj kodeks RSFSR. Kommentarij / pod red. I.T. Golyakova. – 2-e izd. – Moskva: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1946. – 340 s.
2. *Demidov A.M.* Deyatel'nost' organov gosbezopasnosti v sfere sel'skogo hozyajstva SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Zavershenie korennoho pereloma v hode Velikoj Otechestvennoj vojny: problemy issledovaniya i sohraneniya istoricheskoy pamyati: materialy mezhdunar. nauch.- prakt. konf. – 2018. – S. 84–88.
3. *Komarov N.Ya.* Gosudarstvennyj komitet oborony postanovlyayet...: dokumenty, vospominaniya, kommentarii. – Moskva: Voениzdat, 1990. – 430 s.
4. *Sharp Dzh.* Ot diktatury k demokratii: strategiya i taktika osvobozhdeniya / per. s angl. N. Kozlovskoj. – Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2005. – 84 s.
5. *Demidov M.A.* Bor'ba s sabotazhem kak sposob obespecheniya razvitiya promyshlennogo proizvodstva CCCR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Osobennosti kvalifikacii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. – 2017. – № 3. – S. 135–141.
6. *Manushin D.V., Nureev R.M.* Sabotazh rossijskih chinovnikov i osnovnye mery po bor'be s nim // Zhurnal institucional'nyh issledovaniy. – 2022. – T. 14, № 1. – S. 55–69.
7. *Skryabin T.S., Sitnov A.S.* Korporativnyj sabotazh: osobennosti i rekomendacii po predotvrashcheniyu // Vestnik magistratury. – 2018. – № 3-2. – S. 34–35.
8. *Andreeva V.Yu.* Kommunikativnyj sabotazh kak sredstvo reagirovaniya v situacii rechevoj provokacii // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2016. – № 3. – S. 7–12.
9. *Sharp Dzh.* Politika nenasil'stvennogo dejstviya. Chast' 3. Dinamika nenasil'stvennogo dejstviya. – 1985.
10. *Demidov M.A.* Predposylki kriminalizacii sabotazha v sovremennoj Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. – 2018. – № 4. – S. 106–115.

УДК 343.13

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА И ОЧНОЙ СТАВКИ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Теплякова Ольга Алексеевна¹,

e-mail: oteplyakova@muiv.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Введение ст. 189.1 в Уголовно-процессуальный кодекс РФ вызвало определенные сложности при проведении следственных действий на стадии предварительного расследования как с процессуальной точки зрения, так и с тактической. Рассматриваются проблемные вопросы, возможности и целесообразность проведения первоначального допроса и очной ставки путем использования систем видеоконференц-связи. Анализируются возможные риски утраты доказательственного значения показаний, полученных в ходе дистанционного допроса, а также возможное увеличение документооборота, как материального, так и электронного, увеличение количества субъектов расследования и возможное увеличение штата органов внутренних дел. Обращается внимание на отсутствие среди современных правоведов единства мнений относительно эффективности производства допроса и очной ставки путем использования видеоконференц-связи. Отдельное внимание уделяется вопросам организации и тактики следственных действий путем использования видеоконференц-связи с участием лиц, находящихся в разных часовых поясах. По результатам исследования предлагается внести дополнения в ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: допрос, очная ставка, система видеоконференц-связи, следственные действия

RELEVANT PROBLEMS OF INTERROGATION AND CONFRONTATION BY USING VIDEOCONFERENCING SYSTEMS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Teplyakova O.A.¹,

e-mail: oteplyakova@muiv.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The introduction of Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation caused certain difficulties in conducting preliminary investigations, both from a procedural and tactical point of view. The article discusses problematic issues, the possibilities and expediency of conducting an initial interrogation and confrontation by using videoconferencing systems. The article analyzes the possible risks of losing the evidentiary value of testimony obtained during remote interrogation, as well as a possible increase in document flow, an increase in the number of subjects of investigation and a possible increase in the staff of internal affairs bodies. Attention is drawn to the lack of consensus among modern lawyers regarding the effectiveness of interrogation and confrontation through the use of videoconferencing. Special attention is paid to the organization and tactics of investigative actions through the use of videoconferencing with the participation of persons located in different time zones. According to the results of the study, it is proposed to make amendments to Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: interrogation, confrontation, videoconferencing systems, investigative actions

DOI 10.21777/2587-9472-2023-1-30-34

В свете продолжающейся цифровизации уголовного судопроизводства Российской Федерации особенно актуально стоит вопрос об использовании систем видеоконференц-связи при производстве следственных действий на досудебной стадии.

Прошел уже год с момента вступления в законную силу Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который ввел в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) и урегулировал порядок производства таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание «путем использования систем видеоконференц-связи». Тем не менее, среди ученых-процессуалистов до сих пор не утихли возникшие разногласия по поводу внесенных изменений [1].

С введением в УПК РФ ст. 189.1 стало возможным проведение в ходе предварительного расследования путем использования системы видеоконференц-связи не только допроса, но и очной ставки. В приведенной статье не конкретизируется, допрос какого именно участника уголовного судопроизводства допустим путем использования систем видеоконференц-связи на досудебной стадии, полагаем, что любого, и уже на данном этапе начинают возникать вопросы об эффективности проведения такого следственного действия, особенно если допрос является первоначальным.

При производстве следственного действия путем использования видеоконференц-связи в соответствии с ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ должны быть задействованы, как минимум, два следователя или дознавателя, при этом один из них, которому дано письменное поручение, будет выполнять только техническое сопровождение следственного действия: обеспечивать явку участников, настраивать оборудование, брать подписку о разъяснении прав и оглашении протокола и направлять ее инициатору поручения. Следователь по месту нахождения допрашиваемого лица не может оказывать иного содействия в проведении допроса, кроме технического сопровождения. Подготовительная стадия допроса предусматривает создание условий для его качественного проведения, например необходимо убрать лишнее со стола, исключить воздействие внешних раздражителей и т.д. Возникает вопрос о том, как это может проконтролировать следователь, давший поручение, т.к. ответственность за производство допроса лежит именно на нем, а не на следователе по месту нахождения лица, участвующего в следственном действии? Ответ таков: наверное, только предъявляя требования к технической оснащенности кабинета следователя, в котором будет проводиться допрос.

На подготовительной стадии допроса следователь должен установить психологический контакт с допрашиваемым лицом, однако на первоначальном допросе это будет затруднительно при нахождении рядом еще одного следователя, не имеющего никакого отношения к расследуемому делу, или же специалиста, который оказывает только техническую помощь в проведении следственных действий путем использования видеоконференц-связи. О присутствии такого специалиста пишет Е.Ю. Андреева, ссылаясь на то, что не все следователи имеют соответствующие навыки видеофиксации экрана монитора компьютера (ноутбука, телефона) [2]. Особенно важно установление психологического контакта между следователем и потерпевшим при расследовании уголовных дел, связанных с половой неприкосновенностью и половой свободой. Полагаем, что необходимо на законодательном уровне исключить производство допроса путем применения видеоконференц-связи по делам указанной категории.

Мы согласны с Е.В. Шишкиной в том, что «больше проблем, связанных с допросом в режиме видеоконференц-связи, может возникнуть в случаях его проведения в условиях конфликтных ситуаций. Эти ситуации требуют активного тактического воздействия на допрашиваемое лицо, использования многочисленных тактических приемов и их комбинаций, для эффективности которых большое значение имеет анализ следователем психологических реакций допрашиваемого на поставленные вопросы и предъявленные ему доказательства. Особенности восприятия реакций и поведения человека через экран значительно снижают эти возможности, а значит, могут повлиять на эффективность допроса» [3].

Многие ученые высказывают свое мнение об эффективности и прогрессивности допроса путем применения видеоконференц-связи, например М.С. Плетникова и Е.А. Семенов считают, что «видеодопрос участников уголовного процесса позволил бы оптимизировать процесс предварительного расследования и в разы сократить его срок» [4].

А.А. Афанасьева приводит пример успешного проведения дистанционного допроса и очной ставки между потерпевшим и подозреваемым: «После окончания дистанционного допроса, по видеосвязи

была проведена очная ставка между потерпевшим и подозреваемым. Объяснив порядок следственного действия, следователь провел очную ставку, протокол которой был подписан лишь одной стороной: подозреваемым и его защитником. После протокол приобщен к материал уголовного дела. Далее указанная видеозапись была осмотрена в процессе проведения осмотра предметов и признана вещественным доказательством» [5]. Анализируя приведенный пример, она приходит к выводу о том, что применение и использование видеоконференц-связи в ходе предварительного расследования «повышают эффективность деятельности органов предварительного расследования, т.к. при этом существенно сокращаются сроки расследования. Кроме того, снижаются материальные затраты на прибытие следователя, дознателя к месту нахождения допрашиваемого, а также на их проживание» [Там же].

В указанном примере мы видим, что для того, чтобы признать проведение очной ставки путем использования видеоконференц-связи законным, вместо одного следственного действия и составления одного процессуального документа проводятся два следственных действия (очная ставка и осмотр предметов), а также составляются три процессуальных документа (протокол очной ставки, протокол осмотра предметов, постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств). Возникает вопрос о том, можно ли считать повышением эффективности увеличение количества проводимых следственных действий по одному уголовному делу?

21 декабря 2022 г. в Совете Федерации Федерального Собрания РФ проведен круглый стол на тему «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 20 лет со дня введения в действие»¹, где Е.Б. Мизулина высказала свое мнение о преждевременном внесении ст. 189.1 в УПК РФ, т.к. при проведении следственных действий в досудебном производстве сложно выявить противодействие следствию. Мы, являясь участниками круглого стола, полностью поддерживаем высказанное мнение о том, что внесенные изменения преждевременны и недоработаны.

Возвращаясь к вопросу о «повышении эффективности в деятельности органов предварительного расследования», рассмотрим саму процедуру проведения следственного действия путем использования видеоконференц-связи в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ. Следователем, в чьем производстве находится уголовное дело, направляется письменное поручение следователю по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, а затем со следователем, получившим такое поручение, уточняются возможности и техническое обеспечение, согласовываются дата и время видеоконференц-связи, т.е. в нем, как минимум, задействованы два сотрудника правоохранительных органов.

В указанном случае мы соглашаемся с мнением Х.Х. Рамалданова о целесообразности оплаты рабочего времени двум сотрудникам, выполняющим одно следственное действие. Сотрудник, оказывающий содействие при производстве следственного действия, может более эффективно и рационально использовать это время для качественного расследования уголовных дел, находящихся у него в производстве. Возможен и другой вариант, связанный с расширением штатной численности подразделений, в которых будут введены отдельные должности для исполнения поручений, что также неэффективно с точки зрения расходования бюджетных средств, выделенных на функционирование правоохранительных органов [6].

Еще одной проблемой, требующей внимания ученых-процессуалистов, является вопрос относительно времени производства следственных действий. Так, ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ предусмотрено, что в протоколе указывается время производства следственного действия по месту не только его составления, но и нахождения допрашиваемого лица. Территория Российской Федерации охватывает 11 часовых поясов, в связи с чем между следователем или дознавателем, которым поручено производство предварительного расследования, и следователем (дознавателем) по месту нахождения допрашиваемого лица в ходе производства допроса посредством видеоконференц-связи могут возникать проблемы соблюдения ч. 3 ст. 164 УПК РФ, в соответствии с которой производство следственного действия в ночное время не допускается. Данная ситуация в нормах ст. 189.1 УПК РФ не урегулирована. Х.Х. Рамалданов для решения данного вопроса предлагает «при наступлении ночного времени у одного из

¹ Мизулина Е. Парламентарии обобщают предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. – URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/141334> (дата обращения: 30.01.2023). – Текст: электронный.

участвующих лиц получать удостоверенное электронной цифровой подписью согласие данного лица на проведение допроса. Во избежание потенциальных процессуальных разногласий датой и временем допроса считать дату и время по месту нахождения лица, производящего предварительное расследование, как инициатора проведения данного следственного действия» [7].

Мы же предлагаем датой и временем допроса считать дату и время по месту нахождения допрашиваемого лица, т.к. у следователя, в производстве которого находится уголовное дело, не требуется получать согласие на проведение следственных действий в ночное время, в отличие от других участков уголовного судопроизводства. Сложности из-за различий во времени могут возникнуть при производстве очной ставки путем использования видеоконференц-связи, т.к. кто-то из участников очной ставки согласится на проведение следственного действия в ночное время, а кто-то может категорически отказаться, однако следователь не вправе принудительно провести следственное действие.

Следует согласиться с мнением А.В. Савельева, который полагает, что «пока для осуществления допроса путем использования видеоконференц-связи у следователей чаще всего нет технической возможности. Не всегда организационное и техническое обеспечение подразделений следственных органов находится на должном уровне, что может послужить "тормозом" проведения допроса путем использования видеоконференц-связи» [8]. Тем не менее, этот вопрос должен быть решен на законодательном уровне внесением соответствующих изменений в порядок оснащения следственных органов необходимым оборудованием и проведением соответствующего обучения сотрудников. В противном же случае нормы ст. 189.1 УПК РФ будет сложно реализовать на практике.

Безусловно, появление новых возможностей при производстве следственных действий вызывает множество вопросов, причем не только технических, но и процессуальных. Проведение первоначального допроса путем использования видеоконференц-связи по делам небольшой и средней тяжести, а также дополнительного допроса по делам любой категории вполне возможно. Проведение первоначального допроса по делам о половой неприкосновенности и половой свободе, а также проведение очной ставки, которые и в очном формате являются довольно сложными следственными действиями, требующими тщательной подготовки, трудно спрогнозировать, а их достоверность может быть весьма сомнительной.

Подводя итог проведенному анализу положений ст. 189.1 УПК РФ, отметим, что, несомненно, требуются уточнение и детализация этих норм с учетом различных ситуаций и обстоятельств, в связи с чем предлагаем дополнить ст. 189.1 УПК РФ ч. 9 текстом следующего содержания: «Проведение допросов путем использования систем видеоконференц-связи не допускается по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ. В случае разницы во времени более 6 ч между следователем или дознавателем, которым поручено производство предварительного расследования, и следователем, дознавателем или органом дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, проведение очной ставки путем использования систем видеоконференц-связи исключить».

Конечно, совершенствование норм ст. 189.1 УПК РФ может привести к устранению потенциальных противоречий, которые могут возникнуть при использовании видеоконференц-связи, упрощению производства следственных действий, сокращению процессуальных сроков, а также к сохранению доказательств, но при этом не стоит надеяться, что произойдет экономия бюджетных средств, сил и времени субъектов расследования. К сожалению, возрастет документооборот, причем как материальный, так и электронный, увеличится количество субъектов расследования и технических исполнителей.

Список литературы

1. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 199–208.
2. Андреева Е.Ю. Анализ и перспективы следственных действий онлайн в стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы предварительного расследования: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 32–36.
3. Шишкина Е.В. Некоторые аспекты проведения следственных действий с использованием видеоконференцсвязи // Технологии XXI в. в юриспруденции: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.

(г. Екатеринбург, 20 мая) / отв. ред. Д.А. Бахтеев. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2022. – С. 121–128.

4. Плетникова М.С., Семенов Е.А. К вопросу использования видео-конференц-связи при производстве допроса // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 25–28.

5. Афанасьева А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 370–374.

6. Рамалданов Х.Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видео-конференц-связи // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 11. – С. 124–131.

7. Рамалданов Х.Х. Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 1. – С. 121–128.

8. Савельев А.В. Проведение следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи // Вопросы российской юстиции. – 2022. – Вып. 17. – С. 591–597.

References

1. Aleksandrov A.S., Andreeva O.I., Zajcev O.A. O perspektivah razvitiya rossijskogo ugovnogo sudoproizvodstva v usloviyah cifrovizacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 448. – S. 199–208.

2. Andreeva E. Yu. Analiz i perspektivy sledstvennyh dejstvij onlajn v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // Aktual'nye problemy predvaritel'nogo rassledovaniya: sb. nauch. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konferencij. – Sankt-Peterburg, 2022. – S. 32–36.

3. Shishkina E.V. Nekotorye aspekty provedeniya sledstvennyh dejstvij s ispol'zovaniem videokonferenc-svyazi // Tekhnologii XXI v. v yurisprudencii: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ekaterinburg, 20 maya) / отв. ред. Д.А. Бахтеев. – Екатеринбург: Урал'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni V.F. Yakovleva, 2022. – S. 121–128.

4. Pletnikova M.S., Semenov E.A. K voprosu ispol'zovaniya video-konferenc-svyazi pri proizvodstve doprosa // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 1. – S. 25–28.

5. Afanas'eva A.A. Distancionnyj dopros: sostoyanie i perspektivy // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 3. – S. 370–374.

6. Ramaldanov H.H. Cifrovye dokazatel'stva, poluchennye putem ispol'zovaniya sistem video-konferenc-svyazi // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2022. – № 11. – S. 124–131.

7. Ramaldanov H.H. Ponyatie i sushchnost' cifrovizacii dokazatel'stv i dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2022. – № 1. – S. 121–128.

8. Savel'ev A.V. Provedenie sledstvennyh dejstvij s ispol'zovaniem sistem video-konferenc-svyazi // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2022. – Вып. 17. – S. 591–597.

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА И ДОГОВОРНОГО ПРАВА

Самородов Дмитрий Альбертович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу сущности гражданско-правового договора как основного юридического факта, порождающего имущественные правоотношения, а также места договорного права в российской правовой системе. Рассматриваются возникновение правовых норм о договорах в отечественном праве, их эволюция, виды договоров, предусматриваемых нормами российского права на различных этапах его развития (Русская Правда, Судебники, Свод законов Российской империи, гражданское законодательство СССР), место договора в системе юридических фактов, порождающих, изменяющих и прекращающих гражданские правоотношения на современном этапе развития отечественного права. Анализируются взгляды ученых-юристов на роль и место договоров в системе юридических фактов, дается сравнительная характеристика гражданско-правового договора и других видов договоров, заключение которых предусмотрено правовыми нормами. Формулируется вывод о соотношении понятий «гражданское право» и «договорное право» на современном этапе развития российской правовой системы.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, юридический факт, существенные условия, гражданское право, договорное право, подотрасль права, правовой институт

ON THE ISSUE OF THE ESSENCE OF A CIVIL CONTRACT AND CONTRACT LAW

Samorodov D.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article is devoted to the analysis of the essence of a civil contract as the main legal fact that generates property relations, as well as the place of contract law in the Russian legal system. The article considers the emergence of legal norms on contracts in domestic law, their evolution, the types of contracts provided for by the norms of Russian law at various stages of its development (Russkaya Pravda, Codes of Laws, the Code of Laws of the Russian Empire, the civil legislation of the USSR), as well as the place of the contract in the system of legal facts that generate, modify and terminate civil legal relations on at the present stage of development of domestic law. The views of legal scholars on the role and place of contracts in the system of legal facts are analyzed, a comparative characteristic of a civil law contract and other types of contracts, the conclusion of which is provided for by legal norms, is presented. The conclusion is made about the correlation of the concepts of “civil law” and “contract law” at the present stage of development of the Russian legal system.

Keywords: civil law contract, legal fact, essential conditions, civil law, contract law, sub-branch of law, legal institution

DOI 10.21777/2587-9472-2023-1-35-42

Договор является одним из наиболее распространенных юридических фактов, порождающих имущественные, т.е. гражданско-правовые, отношения. Для того чтобы приобрести ту или иную вещь (продукты питания, транспортное средство, бытовую технику и иное), гражданину необходимо заключить договор купли-продажи. Для получения права владения и пользования имуществом заключается договор аренды, безвозмездного пользования имуществом или найма жилого помещения. Если гражданин, организация или публично-правовой субъект (Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование) нуждаются в получении результата выполненной работы (отремонтированные часы, построенная автодорога), то заключается договор подряда. При желании воспользоваться услугой, например медицинской помощью, проездом в общественном транспорте, услугами представителя, заключается договор возмездного оказания услуг, перевозки или поручения.

Соответственно, договор, наряду с причинением вреда, является одним из главных оснований, которое может поставить одно лицо в положение кредитора, т.е. предоставить ему право требования (передать товар, выполнить работу и сдать ее результат заказчику, оказать услугу), а на другое лицо или лиц (контрагентов) – возложить обязанность совершить определенное действие, корреспондирующее данному праву.

По своей правовой природе договор является правомерным действием, результатом которого выступает возникновение правоотношения, т.е. совокупности прав и обязанностей у двух или более лиц, направленных на определенный объект, которым может быть гражданско-правовое имущество (как вещи, так и безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, работа и ее результат, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности).

По мнению Г.Ф. Шершеневича, договор представляет собой продукт воли нескольких лиц (контрагентов), а понятия «договор» и «обязательство» следует рассматривать как причину и следствие [1, с. 396].

Схожей позиции придерживается Б.М. Гонгало, который указывает, что, помимо закрепленного в действующем российском гражданском законодательстве представления о договоре как о соглашении двух или более лиц, термин «договор» целесообразно рассматривать в следующих аспектах:

- 1) как правовое отношение, порождаемое соглашением сторон;
- 2) как документ, содержащий условия данного соглашения¹.

Э.А. Сатина справедливо отмечает, что договор – это одна из самых древних необходимых юридических конструкций, в основе которой лежит соглашение между двумя и более субъектами [2].

Говоря о сущности договора как юридического факта, порождающего гражданско-правовые обязательства, Е.А. Суханов указывает, что, будучи порождением, необходимой формой товарообмена, цивилистическая категория договора и ее правовое оформление развивались и усложнялись по мере соответствующего развития самого товарооборота (товарообмена). Так, уже в классическом римском праве стали различаться понятия «соглашение» (*conventio*) как согласованное волеизъявление сторон и «договор» (*contractus*) как основа возникающих между ними обязательственных отношений (от лат. *contrahere* – «стягивать, собирать, заключать»)².

Следует отметить, что в отечественной научной и учебной литературе нет единого подхода к вопросу о месте договорного права в правовой системе России. В частности, Е.Г. Шаблова и О.В. Жевняк рассматривают договорное право в качестве института обязательственного права, которое, в свою очередь, является подотраслью гражданского права³. Схожей точки зрения придерживается и М.И. Брагинский, по мнению которого договорное право представляет собой институт особенной части гражданского права. Е.А. Суханов предлагает считать договорное право подотраслью гражданского права, а Ю.А. Тихомиров рассматривает его как самостоятельную отрасль российского права⁴. В данной связи актуальным представляется рассмотрение эволюции отечественного законодательства о

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2017. – Т. 2. – 543 с.

² Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Статут, 2016. – 1208 с.

³ Шаблова Е.Г., Жевняк О.В. Гражданское право. Гражданско-правовые договоры: учеб. пособие / под общ. ред. Е.Г. Шабловой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 174 с.

⁴ Договорное право. Лекционный материал / сост. М.С. Юдин. – URL: <http://www.klin.iga.ru/files/3/dogovornoe-pravo.pdf> (дата обращения: 12.01.2023). – Текст: электронный.

договоре как о юридическом факте, порождающем имущественные правоотношения, а в качестве вывода требуется формулировка представления о соотношении договорного права с другими отраслями отечественного права.

В российском праве имущественный договор известен с XI в. Уже в первом письменном источнике древнерусского права – Краткой Правде (подготовлена не позднее 1054 г., во времена правления киевского князя Ярослава Мудрого) – в отдельной ст. 43 «Урок мостников» регулировалось заключение договора подряда на строительство или ремонт моста и мостовых. Как и в современном отечественном гражданском и договорном праве, обязательства, согласно нормам Русской Правды, могли возникать:

- 1) из договоров;
- 2) из причинения вреда.

Договоры заключались в устной форме, при свидетелях, на торгу или в присутствии мытника (княжеского сборщика податей, так называемого мыта). В Русской Правде упоминались следующие виды имущественных договоров:

- 1) купля-продажа (людей, вещей, коней, самопродажи);
- 2) займ (денег, вещей);
- 3) кредитование (под проценты или без);
- 4) личный найм (в услужение, для выполнения определенной работы);
- 5) хранение;
- 6) поручение (выполнять определенные действия) и пр.

В результате кодификации права Северо-Западной Руси в XV в. появились Новгородская и Псковская судные грамоты. Обязательственное право, согласно Псковской судной грамоте, регламентировало договоры купли-продажи, дарения, залога, займа, мены, поклажи, найма помещения, личного найма. Форма договора, как и по современному отечественному гражданскому законодательству, могла быть и устной, и письменной. Оформление договора осуществлялось в присутствии священника или свидетелей.

Обязательственное право Московского государства в XV–XVI вв. развивалось по линии постепенной замены личной ответственности по договорам имущественной ответственностью. Так, при заключении договора займа закон запрещал должникам служить в хозяйстве кредитора. Важнейшим условием при заключении договора являлась свобода воли и волеизъявления договаривающихся сторон. Закон признавал недействительной сделку, заключенную в состоянии опьянения или под действием обмана. Все большее место в системе источников права начали занимать частные акты – духовные грамоты, договоры («ряды»), акты, закрепляющие собственность на землю, и т.п. До середины XVI в. договоры в основном заключались в устной форме. Допускалось судебное разбирательство по договорам, заключенным «без кабалы», т.е. письменно не зафиксированным и опирающимся на свидетельские показания и так называемый «ордалий» (судебный поединок). К концу XVI в. все большее значение стала приобретать письменная форма сделок (кабала). Кабала подписывалась собственноручно обязующимися сторонами, а в случае их неграмотности – их духовными отцами или родственниками (братьями и племянниками, но не сыновьями). Прекращение договорного обязательства связывалось либо с его исполнением, либо с неисполнением в установленные сроки, а в некоторых случаях – со смертью одной из сторон. Договор являлся основным способом приобретения прав собственности на имущество, в частности на землю, на протяжении всего XVII в.

В первой четверти XVIII в. отечественное гражданское и договорное право в значительной мере восприняли многие западноевропейские правовые традиции и институты. В связи с этим начинает более определенно прослеживаться индивидуализация частных имущественных и обязательственных прав. Доминирующим источником прав и обязанностей становится закон, а нормы традиций и обычаев отходят на второй план. В правление Петра I (царь – с 1682 г., император Всероссийский – с 1721 г.) в связи со строительством регулярного военно-морского флота, новой столицы государства, необходимостью обеспечения сухопутной армии вооружением и амуницией в ходе Северной войны со Швецией (1700–1721) широкое распространение получил договор подряда. Данный договор в условиях государственного промышленного протекционизма (так, при Петре I таможенный сбор с некоторых товаров составлял 37 % от их стоимости, а для иных – даже 75 %) дополняется договором поставки, в котором заказчиком, как правило, являлось государство. Поставка, как и подряд, обеспечивалась неустойкой

или поручительством. При нарушении обязательства вместе с имущественными часто применялись уголовно-правовые и административные санкции (заключение в тюрьму, телесные наказания).

Предметом договора могли быть любые действия лиц, не противоречащие закону. Наиболее распространенной формой договора стала письменная. Расторжение договора могло происходить только в случаях, предусмотренных законом.

Стороной в договорном обязательстве не могли быть: несовершеннолетние, умалишенные, находящиеся под опекой вследствие мотовства или лишенные этого права по суду. Вместо этих лиц договоры заключали опекуны.

Дальнейшее развитие положения о гражданско-правовых договорах получили в законодательстве 30-х гг. XIX в. Согласно нормам Свода законов Российской империи, ставшего с 1 января 1835 г. единственным основанием для решений по всем делам, в обязательственном праве, как и в современном отечественном гражданском законодательстве, различались обязательства, возникающие:

- из договоров;
- из причинения вреда.

Предметом договора могли быть:

- 1) имущество;
- 2) действия лиц.

Цель договора не могла противоречить закону и общественному порядку. Договор заключался по взаимному соглашению сторон. Недозволенная цель делала договор ничтожным (например, когда договор был направлен на уклонение от платежа долгов, нанесение ущерба казне). Средствами обеспечения исполнения договоров, как и в современном российском гражданском праве, являлись: задаток, неустойка, поручительство, залог и заклад. Договор оформлялся домашним, нотариальным, явочным или крепостным порядком. Нотариальным порядком оформлялись договоры мены и продажи недвижимости.

В новых экономических условиях, сложившихся в России в первой половине XIX в., широкое распространение получил договор товарищества. Предусматривались следующие его виды:

- 1) товарищество полное;
- 2) товарищество на вере или по вкладам;
- 3) товарищество по участкам или компания на акциях;
- 4) товарищество трудовое или артель (члены товарищества связаны круговой порукой, имеют общий счет; современный аналог – производственный кооператив).

Нормы об имущественных договорах, закрепленные в Своде законов Российской империи, в основных своих чертах действовали до Октябрьской революции 1917 г.

В советской правовой системе соотношение понятий «договор» и «делка» было впервые законодательно установлено Гражданским кодексом РСФСР 1921 г. (далее – ГК РСФСР 1921 г.). Так, в ст. 26 данного кодекса указывалось: «Сделки, т.е. действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, могут быть односторонними и взаимными (договоры)»⁵. Соответственно, было установлено представление о договоре как о разновидности сделки (взаимной, т.е. двусторонней сделке), существующее и в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации. В соответствии со ст. 106 ГК РСФСР 1921 г. обязательства могли возникать:

- 1) из договоров;
- 2) из других указанных в законе оснований, в частности вследствие неосновательного обогащения и причинения другому лицу вреда.

Следовательно, договор был признан главным основанием, порождающим имущественные, т.е. гражданско-правовые, обязательства. Статья 130 ГК РСФСР 1921 г. содержала положение о том, что «договор признается заключенным, когда стороны выразили друг другу в подлежащих случаях и требуемой законом форме согласие по всем существенным его пунктам». Вводилось понятие «существенные условия договора», о чем сказано в следующем утверждении: «Существенными, во всяком случае, при-

⁵ Гражданский кодекс РСФСР 1921 г. – URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901808921> (дата обращения: 12.01.2023). – Текст: электронный.

знаются предмет договора, цена, срок, а также все те пункты, относительно коих, по предварительному заявлению одной из сторон, должно быть достигнуто соглашение». Гражданским кодексом РСФСР 1921 г. регламентировались заключение следующих видов договоров:

- 1) купля-продажа;
- 2) мена;
- 3) займ;
- 4) подряд;
- 5) поручительство;
- 6) простое товарищество;
- 7) имущественный найм;
- 8) страхование.

В ст. 41 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. (далее – ГК РСФСР 1964 г.) «Понятие и виды сделок» было закреплено положение о том, что «сделки могут быть односторонними и двух- или многосторонними (договоры)»⁶. Соответственно, в отечественном праве окончательно закрепилось представление о договоре как о двух- или многосторонней сделке. Договор был назван главным основанием возникновения гражданско-правового обязательства: «Обязательства возникают из договора или иных оснований, указанных в статье 4 настоящего Кодекса». Договор считался заключенным, когда между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным его пунктам⁷. Было введено понятие «договор в пользу третьего лица» (ст. 167 ГК РСФСР 1964 г.). Гражданским кодексом РСФСР 1964 г. предусматривалось заключение таких договоров, как:

- 1) купля-продажа (гл. 21);
- 2) мена (гл. 22);
- 3) дарение (гл. 23);
- 4) поставка (гл. 24);
- 5) государственная закупка сельскохозяйственной продукции у колхозов, совхозов и других хозяйств (гл. 25, современный аналог – договор контрактации);
- 6) заем (гл. 26);
- 7) имущественный наем (гл. 27, современный аналог – договор аренды);
- 8) наем жилого помещения (гл. 28);
- 9) безвозмездное пользование имуществом (гл. 29);
- 10) подряд (гл. 30);
- 11) подряд на капитальное строительство (гл. 31, современный аналог – договор строительного подряда);
- 12) перевозка (гл. 32);
- 13) государственное страхование (гл. 33);
- 14) поручение (гл. 35);
- 15) комиссия (гл. 36) и др.

При этом, как отмечает Е.С. Выборнова, самой дефиниции, т.е. определения понятия «договор», ГК РСФСР 1964 г. не содержал [3, с. 154].

Следовательно, к 1964 г. в отечественной правовой науке и законодательстве окончательно сформировалось представление о договоре как о юридическом факте (правомерном действии), являющемся главным основанием возникновения, изменения и прекращения гражданско-правового обязательства. Данные представления о сущности договора воплощены и в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), в соответствии с которым сделки могут быть двух видов:

- 1) односторонние (например, составление, изменение или отмена завещания, принятие наследства или отказ от него, публичное обещание награды или объявление конкурса);
- 2) двух- и многосторонние (договоры).

⁶ Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_160712.html (дата обращения: 12.01.2023). – Текст: электронный.

⁷ Там же.

В соответствии с п. 1 ст. 420 ГК РФ договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Представления о договоре как о виде сделки, представляющей собой соглашение двух и более лиц, направленное на возникновение, изменение или прекращение правоотношения, нашли отражение и во Французском гражданском кодексе 1804 г. (Кодексе Наполеона), Гражданском кодексе Китайской Народной Республики 2020 г., гражданском законодательстве Германии и Нидерландов [4, с. 54].

Ю.А. Серкова отмечает, что гражданско-правовой договор представляет собой правовой механизм-регулятор, призванный юридически обеспечить удовлетворение интересов определенных субъектов гражданского права [5, с. 172].

Отечественная юридическая наука придерживается учения о трех группах условий любого гражданско-правового договора: существенных, обычных и случайных. Как указывает М.И. Илюшина, к существенным относятся:

- 1) условия о предмете договора;
- 2) условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида;
- 3) все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [6, с. 505].

В.Г. Голышев и А.В. Голышева обращают внимание на отсутствие единства мнений в отечественной научной и учебной литературе относительно круга существенных условий отдельных гражданско-правовых договоров, в частности условий о цене в качестве существенного применительно к договору купли-продажи [7, с. 27].

Следует отметить, что существуют договоры, которые используются за пределами гражданского права. Как указывает В.Е. Резепова, все они являются соглашениями, направленными на возникновение набора прав и обязанностей, которые составляют в совокупности правоотношение, порожденное соглашением⁸. В частности, в трудовом праве в качестве основания возникновения трудовых правоотношений используется трудовой договор. Среди отличий трудового договора от гражданско-правового можно назвать исполнение работником лично определенной трудовой функции, подчинение его правилам внутреннего трудового распорядка, регулярную выплату заработной платы независимо от конечного результата. Автор справедливо отмечает, что договор в гражданском праве как отрасли российского права и в договорном праве как подотрасли гражданского права является основным способом урегулирования гражданских правоотношений и возникновения обязательств⁹. На первое место среди юридических фактов, порождающих гражданско-правовые обязательства, договор ставит также Е.А. Суханов, по мнению которого обязательства в зависимости от оснований возникновения можно подразделить на три группы (п. 2 ст. 307 ГК РФ):

- 1) обязательства из договоров и иных (односторонних) сделок;
- 2) обязательства из неправомерных действий;
- 3) обязательства из иных юридических фактов¹⁰.

Итак, договорное право (в объективном смысле) – это система гражданско-правовых норм, регулирующих отношения, связанные с заключением, содержанием, формой, действием, исполнением, изменением и прекращением гражданско-правового договора, а также иные отношения, основанные на договорах или в связи с ними. Как нам представляется, гражданское и договорное право соотносятся как целое и его часть. Договорное право нельзя считать самостоятельной отраслью российского права, т.к. оно не имеет своего, ярко выраженного предмета регулирования, позволяющего отграничить его от других самостоятельных отраслей российского права. Известно, что гражданское право регулирует две группы общественных отношений:

- 1) имущественные отношения, которые представляют собой отношения, возникающие между людьми по поводу имущества – материальных и нематериальных благ, имеющих экономическую форму товара;

⁸ Резепова В.Е. Договорное право. – URL: <http://www.be5.biz/pravo/d002/02.html> (дата обращения: 25.01.2023). – Текст: электронный.

⁹ Там же.

¹⁰ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Статут, 2016. – С. 7.

2) личные неимущественные отношения, возникающие по поводу неимущественных (нематериальных) благ, тесно связанных с личностью их обладателей (честь, достоинство, деловая репутация, право граждан на имя, личную и телесную неприкосновенность, тайну личной жизни, право авторства на произведения науки, литературы и искусства и т.п.).

Как справедливо указывает Е.А. Суханов, такие блага неотчуждаемы и не могут переходить от одних лиц к другим¹¹. Соответственно, предметом регулирования договорного права следует считать имущественные отношения, в основе возникновения, изменения и прекращения которых лежит такой юридический факт (правомерное действие), как договор.

Методы правового регулирования, используемые в договорном праве, опять же совпадают с гражданско-правовыми, а именно:

1) диспозитивный метод, являющийся основным как в гражданском, так и в договорном праве. Так, в основе договорного права лежит принцип свободы договора, сформулированный в ст. 421 ГК РФ: «Граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим кодексом, законом или добровольно принятым обязательством»;

2) императивный метод, используемый, в частности, при установлении п. 1 ст. 422 Гражданского кодекса РФ соотношения договора и закона: «Договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения».

Императивно установлены и требования об обязательности в ряде случаев письменной формы гражданско-правового договора под страхом его недействительности, обязательности облечения договора в ту или иную установленную законом форму (товарного или кассового чека (розничная купля-продажа), проездного документа (договор перевозки транспортом общего пользования), квитанции (договор проката), одного документа, подписанного сторонами (договор купли-продажи или аренды недвижимости и предприятий)), обязательности государственной регистрации ряда договоров и др.

Таким образом, как нам представляется, договорное право является подотраслью гражданского права. Его основной источник – Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности гл. 27 «Понятие и условия договора», 28 «Заключение договора», 29 «Изменение и расторжение договора», а также разд. IV «Отдельные виды обязательств».

Ю.М. Акимова указывает, что важнейшими общегражданскими принципами договорного права являются свобода договора и диспозитивность [8, с. 97]. На наш взгляд, представляется вполне обоснованной позиция по данному вопросу Г.З. Ахметовой, которая предлагает рассматривать договорное право в статусе объединения институтов гражданско-правовой отрасли [9, с. 66], т.е., опять же, в качестве составной части гражданского права.

Список литературы

1. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. – Тула: Апокриф, 2001. – 720 с.
2. *Сатина Э.А.* Сущность, значение и функции гражданско-правового договора // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 7. – С. 110–116.
3. *Выборнова Е.С.* К понятию гражданско-правового договора // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3. – С. 153–159.
4. *Авакян А.М.* Понятие «договор» в гражданском праве и законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 53–55.
5. *Серкова Ю.А.* Сущность гражданско-правового договора как юридической конструкции // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – Т. 155, кн. 4. – С. 167–173.
6. *Илюшина М.Н.* Развитие учения о гражданско-правовом договоре в новеллах Гражданского кодекса Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2016 – Т. 158, кн. 2. – С. 498–511.

¹¹ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Статут, 2011. – С. 22.

7. Гольшев В.Г., Гольшева А.В. О практике применения норм Гражданского кодекса РФ о существенных условиях договора купли-продажи // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2022. – № 2. – С. 26–29.
8. Акимова Ю.М. К вопросу о соотношении понятий автономии воли, диспозитивности и свободы договора // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 6. – С. 94–97.
9. Ахметова Г.З. Договорное право в системе гражданско-правовой отрасли // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 1. – С. 62–66.

References

1. *Shershenevich G.F.* Kurs grazhdanskogo prava. – Tula: Apokrif, 2001. – 720 s.
2. *Satina E.A.* Sushchnost', znachenie i funkcii grazhdansko-pravovogo dogovora // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki". – 2014. – № 7. – S. 110–116.
3. *Vybornova E.S.* K ponyatiyu grazhdansko-pravovogo dogovora // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2010. – № 3. – S. 153–159.
4. *Avakyan A.M.* Ponyatie "dogovor" v grazhdanskom prave i zakonodatel'stve // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2021. – № 1. – S. 53–55.
5. *Serkova Yu.A.* Sushchnost' grazhdansko-pravovogo dogovora kak yuridicheskoy konstrukcii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki". – 2013. – T. 155, kn. 4. – S. 167–173.
6. *Ilyushina M.N.* Razvitie ucheniya o grazhdansko-pravovom dogovore v novellah Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoy Federacii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki". – 2016 – T. 158, kn. 2. – S. 498–511.
7. *Golyshev V.G., Golysheva A.V.* O praktike primeneniya norm Grazhdanskogo kodeksa RF o sushchestvennykh usloviyakh dogovora kupli-prodazhi // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2022. – № 2. – S. 26–29.
8. *Akimova Yu.M.* K voprosu o sootnoshenii ponyatij avtonomii voli, dispozitivnosti i svobody dogovora // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. – 2014. – № 6. – S. 94–97.
9. *Ahmetova G.Z.* Dogovornoe pravo v sisteme grazhdansko-pravovoy otrasli // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. – 2014. – № 1. – S. 62–66.

УДК 343.6

АФФЕКТ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯСавочкина Ольга Андреевна¹,e-mail: olgandreeva@list.ru,¹Московская областная коллегия адвокатов «Демидур», г. Москва, Россия

Цель статьи заключается в необходимости проведения исследования аффекта как уголовно-правовой категории, что связано с проблемами в правоприменительной практике при квалификации привилегированных составов убийств и причинении тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта. Проблемы определения аффекта приводят к ошибкам при квалификации преступлений. Решение задач работы предопределил комплекс методов исследования и сущности изучаемого явления. Такой комплекс методов включает диалектический метод познания, метод анализа и синтеза, системный подход, которые способствуют всестороннему и предметному исследованию поставленных вопросов. Научная новизна исследования состоит в том, что на основе анализа положений уголовного законодательства, а также мнений ученых вносится предложение о понимании аффекта как особого эмоционального состояния субъекта, а также о закреплении более четкого понятия в диспозиции ст. 107 Уголовного кодекса РФ. Научно-практическое значение приведенных положений заключается в качестве методологической базы для разработки и реализации направлений решения проблем, которые связаны с ответственностью за преступления, совершаемые в состоянии аффекта.

Ключевые слова: преступление, убийство, аффект, издевательство, оскорбление, противоправные действия, насилие, угрозы, аморальное поведение

AFFECT AS A CRIMINAL LEGAL CATEGORY Savochkina O.A.¹,e-mail: olgandreeva@list.ru,¹Moscow Regional Bar Association "Demiurge", Russia

The aim of the article is the need to conduct a study of affect as a criminal legal category, which is associated with problems in law enforcement practice in the qualification of privileged compositions of murders and causing serious harm to health in the heat of passion. The problems of determining affect lead to errors in the qualification of crimes. The solution of the research tasks predetermined the complex of research methods and the essence of the phenomenon under study. Such a set of methods includes the dialectical method of cognition, the method of analysis and synthesis, a systematic approach that contribute to a comprehensive and substantive study of the issues raised. The scientific novelty of the study is that based on the analysis of the provisions of criminal legislation, as well as the opinions of scientists, a proposal is made to understand affect as a special emotional state of the subject, as well as to consolidate a clearer concept in the disposition of Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation. The scientific and practical significance of the provisions of the article is as a methodological basis for the development and implementation of ways to solve problems that are associated with responsibility for crimes committed in a state of passion.

Keywords: crime, murder, affect, mockery, insult, illegal actions, violence, threats, immoral behavior

DOI 10.21777/2587-9472-2023-1-43-48

Введение: постановка проблемы

В уголовном праве России существуют так называемые привилегированные составы преступлений, т.е. такие составы, которые предусматривают наличие, помимо признаков основного состава, еще дополнительных признаков в виде смягчающих обстоятельств. Такое разделение позволяет дифференцировать уголовную ответственность в сторону ее снижения.

Смягчающим обстоятельством для выделения одного из видов привилегированных убийств выступает аффект – особое эмоциональное состояние лица в момент совершения им преступления.

Для того чтобы минимизировать ошибки при квалификации преступлений, необходимо правильное толкование всех признаков конкретного деяния. Соответственно, для правильного толкования такого признака, как аффект, требуется четкое понимание его природы, а также оснований возникновения и особенностей проявления.

В приведенном вопросе помочь правоприменителям могут уголовно-правовая доктрина и другие науки, понятия из которых были использованы уголовным правом. При рассмотрении таких заимствованных понятий необходим комплексный подход. Это обуславливает сложность уяснения указанных понятий, что может вызывать некоторые затруднения при применении уголовно-правовых норм. В связи с этим так важно определить содержание понятий, используемых в уголовном праве.

Анализ состояния аффекта

Преступления совершаются под влиянием различных эмоций, и порой сильное душевное волнение способно затуманить разум и существенным образом повлиять на поведение человека. Важно уметь определять, где в таких ситуациях имеется просто сильная эмоция, а где уже налицо состояние аффекта.

В юридической литературе к имеющим значение для квалификации преступлений относятся:

- 1) состояние опьянения;
- 2) состояние аффекта;
- 3) состояние матери при совершении ею убийства новорожденного ребенка.

Состояние аффекта – довольно редкий признак состава преступления, предусмотренный только двумя статьями Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), а именно ст. 107, 113. Вместе с тем на практике его значение высоко. Аффект является новым понятием, которое впервые было закреплено именно в действующем УК РФ. При закреплении ответственности за совершение преступлений в таком состоянии законодателем в различные исторические этапы использовалось понятие сильного душевного волнения. Соответственно, включение в диспозицию аффекта, как признака преступления, привело к дискуссиям.

Исследованию аффекта посвящена работа Е.П. Ильина, который, анализируя аффект и его понятие, делает вполне обоснованный вывод о том, что, по сути, состояние аффекта следует рассматривать как психическое состояние лица, в котором оно находится в момент совершения преступления. Однако более правильно, по мнению автора, такое состояние рассматривать как психофизическое, т.к. аффект, оказывая влияние на психическое состояние субъекта, проявляется и во внешних физических изменениях, которые наблюдаются у лиц, находящихся в таком состоянии [1].

Е.Р. Кейдунова предлагает более подробное понятие аффекта, однако подходит к определению сущности аффекта больше с позиций уголовного права, чем с точки зрения психологии. Так, она указывает, что аффект следует рассматривать как некий психический процесс, который характеризует определенный краткосрочный период и особое эмоциональное состояние субъекта, возникающее в результате противоправных действий со стороны потерпевшего, которые вызвали такое состояние, без совершения которых возникновение аффекта было бы невозможным [2]. Такой подход к определению психологического и психиатрического понятия не является верным, т.к. при определении аффекта следует опираться на понятия, используемые в психиатрии.

В литературе существуют различные точки зрения на такое терминологическое закрепление данного признака. Б.В. Сидоров считает, что правильнее ввести в уголовный закон термин «аффект», не уточняя его, т.к., по его мнению, «упрощенное, но неточное истолкование известного психологического понятия, стремление перевести его на более понятный для широкого круга язык играет не положительную роль, а наоборот, существенно затрудняет правильное и единообразное применение норм, регулирующих ответственность за преступления, совершаемые в состоянии аффекта» [3]. Другие же специалисты настаивали на оставлении формулировки «сильное душевное волнение» [4]. Законодатель пошел на своеобразный компромисс и уравнивал данные понятия.

В сложившейся ситуации особенно важно разобраться с понятием аффекта и его сущностью. Аффект (от лат. *afectus* – «страсть, душевное волнение») представляет собой крайне резко выраженную, но кратковременную эмоцию, возникающую в ответ на воздействие чрезвычайного раздражения.

В психологии аффекты определяются как сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания, сопровождаемые резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями. В толковом словаре С.И. Ожегова аффект определяется как состояние сильного возбуждения, потери самоконтроля [5].

В различной литературе существуют и другие определения аффекта, все из которых являются справедливыми, а также в той или иной мере описывающими данное состояние. Действительно, аффект является «критической точкой переживания», особенно сильной эмоцией, вызванной внешними раздражителями, которая находит выход в аффективных действиях [6].

Для определения сильного душевного волнения у субъекта преступления необходимо определять уровень эмоционального состояния лица, причем это должен быть именно такой уровень эмоционального состояния, как внезапно возникшее сильное душевное волнение. Соответственно, данные понятия нельзя рассматривать как одинаковые, однако на сегодняшний момент в практической деятельности приведенные понятия отождествляются, что является неверным.

Аффективное состояние условно можно отобразить следующим образом: *раздражитель* (противоправное действие/бездействие потерпевшего) – *аффективная реакция* (физиологический (выброс в кровь адреналина и т.д.) и психологический аспекты (сужение сознания, концентрация внимания и т.д.)) – *аффективные действия*. В данном состоянии действия человека в значительной мере диктуются эмоциональным состоянием, но при этом сохраняется возможность контроля, соответственно, он в любой момент аффективной вспышки может «взять себя в руки».

Аффект не полностью подавляет волю. Все аффективные действия сохраняют свою сознательно-волевую основу, несмотря на внешнее проявление в виде импульсивных и автоматизированных действий, т.к. человек обладает возможностью оценки своих действий и осознания их общественной опасности. При совершении преступления в состоянии аффекта умысел возникает внезапно, вслед за совершенным потерпевшим противоправным или аморальным действием, а реализация его происходит немедленно, однако как только состояние аффекта прекращается, умысел также пропадает.

Аналогичный вывод был сделан судом, который указал, что Д. совершил убийство в состоянии аффекта, чему предшествовало длительное противоправное поведение со стороны потерпевшего. На фоне выраженного психофизиологического неблагополучия, в ответ на очередное психотравмирующее воздействие у Д. наступило состояние кумулятивного аффекта. Находясь в состоянии аффекта, Д. нанес потерпевшему удары топором, причинив телесные повреждения, от которых последний скончался¹.

Аффект, являющийся признаком составов преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, не относится к заболеваниям и расстройствам психики, которые исключают вменяемость.

Аффект как состояние субъекта достаточно подробно был исследован в психиатрии, где выделяют два вида аффекта.

Первым видом является аффект, получивший название патологического аффекта. Сущность такого аффекта состоит в том, что у виновного развивается такое особое эмоциональное состояние, в результате которого последний теряет возможность руководить своими действиями и осознавать совершаемое им деяние. Для такого вида аффекта характерно то, что при его наличии лицо не может нести уголовную ответственность, потому что признается невменяемым, т.е. субъект не понимает совершаемое и не может в полном объеме отдавать отчет в совершаемых им действиях. К такому лицу применяются принудительные меры медицинского характера.

Вторым видом является физиологический аффект, имеющий значение для исследуемого вида убийства. Именно этот вид аффекта характеризует то, что у субъекта наступает особое психическое состояние, обусловленное тем, что он переживает сильные волнение и переживания, в результате которых не может в полном объеме осознавать ситуацию, которая возникает в действительности.

¹ Приговор Зюзинского районного суда г. Москвы: [от 18 октября 2017 г.]. – URL: <http://www.bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 13.03.2023). – Текст: электронный.

Одним из главных признаков, позволяющим рассматривать состояние субъекта как состояние физиологического аффекта, следует считать то, что субъект достигает фазы сильного возбуждения определенным всплеском, пределом, в котором переживания находят свой выход в противоправных действиях. Именно при наличии такого вида аффекта идет речь о наличии смягчающего вину обстоятельства, которое и стало основанием для выделения особого вида привилегированного убийства.

Для квалификации разграничение таких видов аффекта имеет важное значение. Ответ на вопрос о виде аффекта, который вызвал совершение преступления, может быть дан только лицами, обладающими специальными знаниями. Соответственно, для расследования деяний, которые были совершены в состоянии аффекта, особое значение имеет заключение судебно-психиатрической экспертизы. Только эксперты при проведении исследования могут определить то, что у субъекта наличествует кумулятивный аффект, имеющий свойство накапливания. Фактически такой аффект является вспышкой, но при этом его возникновению предшествуют длительные факты противоправных действий со стороны потерпевшего.

Так, по одному из дел было исследовано заключение судебно-психиатрической экспертизы, согласно которому «...в период, предшествовавший инкриминируемому деянию, имели место выраженные психотравмирующие события, связанные с особенностями поведения потерпевшей, которые способствовали нарастанию (кумуляции) эмоционального напряжения и возникновению состояния выраженного аффективного деликта (кумулятивного аффекта). В момент совершения инкриминируемого деяния К. находилась в состоянии аффекта (кумулятивного)»².

Аффективное состояние наступает по типу «последней капли». Данное разделение обуславливается наличием такого основания возникновения, как длительная психотравмирующая ситуация [7].

Сложность состоит в том, что данное понятие является оценочным, и правоприменителю для правильной квалификации деяния в состоянии аффекта требуется обязательное проведение судебно-психологической экспертизы в целях установления факта наличия сильного душевного волнения. Выделяют также аффекты гнева и страха.

Существуют другие душевные явления, с которыми можно спутать аффект, например фрустрация – глубоко переживаемое эмоциональное состояние, появляющееся под влиянием неудач, когда притязания личности находятся на завышенном уровне. Это острое переживание, которое возникает от осознания того, что желаемая цель недостижима.

Существует состояние «транс». Если аффект появляется из-за ситуации, то транс – это болезненное изменение психики. В данном состоянии личность действует, не помня всех действий. Аффект протекает бурно, внезапно, исчерпывая силы человека. Состояние транса незаметно извне, однако поступки в состоянии такого расстройства неадекватны. Эти состояния похожи, т.к. контроль в сознании ломается.

Аффективное состояние, как и любое другое явление, выступающее процессом, в своем развитии проходит несколько стадий. Выделяются три основных этапа в формировании аффекта и его разрядке [8].

Первым этапом является появление внешнего раздражителя, т.е. того, что является основанием для возникновения аффекта. Такой раздражитель указан законодателем в диспозиции статьи как противоправные действия, которые предшествуют совершению исследуемых преступлений.

Вторым этапом является реакция на раздражитель. Это само аффектированное состояние, при котором лицо не может полностью отдавать отчет своим действиям, а при совершении преступления на первое место ставятся эмоции, под влиянием которых совершается преступление. Однако лицо не является невменяемым, т.к. аффект – это особое психическое и эмоциональное состояние, в котором субъект не лишен возможности отдавать полный отчет своим действиям. Иными словами, лицо, оставаясь вменяемым, совершает преступление под воздействием определенных психологических аспектов. Особенность такого состояния состоит в том, что аффектированное состояние чаще всего возникает у очень эмоциональных субъектов, психика которых подвержена внешним раздражающим факторам. Именно поэтому чаще всего состояние аффекта возникает у лиц женского пола.

² Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан по делу № 1-467/2017: [от 19 октября 2017 г.]. – URL: <http://www.bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 09.03.2023). – Текст: электронный.

Так, в приговоре указано, что П. при совершении убийства находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, оказавшего существенное влияние на ее сознание и психическую деятельность (что выразилось в частичном сужении сознания, нарушении произвольной регуляции деятельности, фрагментарности и неполноте восприятия, частичной амнезии на детали криминальной ситуации и собственные действия, явлениях астенического синдрома) и достигшего степени выраженности аффекта, что обусловлено психотравмирующими агрессивными действиями потерпевшего³.

Третьим этапом является стадия изживания аффекта, на которой субъект испытывает последствия своего состояния. Для лиц, которые совершили преступление в состоянии аффекта, после совершения преступления характерны безразличие, состояние апатии.

Аффект следует рассматривать как особую защитную реакцию субъекта на те противоправные действия, которые совершаются в отношении него потерпевшим. Субъект нуждается в том, чтобы выплеснуть свои негативные эмоции, что и происходит в аффектированном состоянии.

Несмотря на то, что аффект является многосторонне изученным состоянием, в доктрине высказываются мнения о дополнении концепции уголовно-правового аффекта новыми положениями. Так, Т.П. Будякова указывает на необходимость законодательного закрепления в уголовном праве двух видов отложенного (отсроченного) аффекта – «насильственно подавленного аффекта» и «аффекта родом из детства» – для учета в качестве обстоятельств, влияющих на квалификацию деяния, совершенного субъектом в данном состоянии [9].

Таким образом, уголовно-правовое значение аффекта выражается в том, что он является смягчающим уголовную ответственность обстоятельством, однако установление его наличия в поведении человека является задачей судебной экспертизы.

Заключение

В целом, аффект следует рассматривать как определенное состояние субъекта, которое существует в течение небольшого промежутка времени. При этом такое состояние характеризуется тем, что субъект переживает сильные переживания и волнение, в результате которых не может в полной мере осознавать ситуацию, возникающую в действительности.

Одним из главных признаков, позволяющим рассматривать состояние субъекта как аффект, является то, что субъект достигает фазы сильного возбуждения определенным всплеском, пределом, в котором переживания находят свой выход в противоправных действиях.

Исследованные подходы свидетельствуют об отсутствии единообразия к определению сущности аффекта как признака привилегированных составов. При определении сущности аффекта авторы придерживаются двух основных позиций. Согласно первой позиции, аффект оценивается как понятие, используемое в психиатрии, соответственно, его нельзя рассматривать как уголовно-правовое понятие. Согласно второй позиции, аффект оценивается как признак состава преступления и приравнивается к понятию «сильное душевное волнение».

Анализ видов аффекта позволил сделать вывод о том, что физиологический аффект характеризуется наступлением у субъекта особого психического состояния, сопряженного с наличием сильного волнения и сильных переживаний, в результате которых лицо не может в полном объеме осознавать ситуацию, имеющую место в действительности. Только при наличии физиологического аффекта идет речь о наличии смягчающего вину обстоятельства, которое и стало основанием для выделения привилегированного убийства.

Руководствуясь целями достижения единства следственно-судебной практики, предупреждения произвольного толкования уголовного закона правоприменителем, исключения правовых пробелов и коллизий в структуре уголовного законодательства России, было бы целесообразно изложить ст. 107 УК РФ в новой редакции, заменив слова «аффекта» в ч. 1 и 2, а также в наименовании ст. 107 УК РФ на слова «физиологического аффекта».

³ Приговор Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону: [от 8 августа 2017 г. № 1-360/2017]. – URL: <http://www.bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 06.03.2023). – Текст: электронный.

Список литературы

1. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 412 с.
2. Кейдунова Е.Р., Мавренкова Е.А., Напханенко И.П., Попандопуло Д.В. Понятие и виды аффектов // *Философия права*. – 2017. – № 4. – С. 35–42.
3. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминалистическое значение. Социально-психологическое и правовое исследование. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 160 с.
4. Ткаченко В.И. Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта. – Москва: ВЮЗИ, 1979. – 52 с.
5. Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – Москва: Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Кащеева А.А. Аффект в уголовном праве: понятие, виды и признаки // Контекст и рефлексия: сб. ст. III Студ. науч.-теор. конф. Департамента фундаментальной подготовки и Центра гуманитарных исследований РГУТИС. – 2018. – С. 61–64.
7. Орешкина Т.Ю. Психофизиологическое состояние субъекта как признак состава преступления // *Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф.* – Москва, 2016. – С. 171–180.
8. Никульченкова Е.В. Проблемы определения аффекта в уголовном праве // *Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности: материалы I Регион. науч.-практ. конф.* – 2018. – С. 26–32.
9. Будякова Т.П. Виктимологическое уточнение действующей редакции статьи 107 УК РФ // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 380–387.

References

1. Il'in E.P. Psihofiziologiya sostoyanij cheloveka. – Sankt-Peterburg: Piter, 2005. – 412 s.
2. Kejdunova E.R., Mavrenkova E.A., Napphanenko I.P., Popandopulo D.V. Ponyatie i vidy affektov // *Filosofiya prava*. – 2017. – № 4. – S. 35–42.
3. Sidorov B.V. Affekt. Ego ugovovno-pravovoe i kriminalisticheskoe znachenie. Social'no-psihologicheskoe i pravovoe issledovanie. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1978. – 160 s.
4. Tkachenko V.I. Otvetstvennost' za umyshlennye prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennye v sostoyanii affekta. – Moskva: VYuZI, 1979. – 52 s.
5. Ozhegov S.I., Shvedov N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. – 4-e izd. – Moskva: Azbukovnik, 1999. – 944 s.
6. Kashcheeva A.A. Affekt v ugovovnom prave: ponyatie, vidy i priznaki // Kontekst i refleksiya: sb. st. III Stud. nauch.-teor. konf. Departamenta fundamental'noj podgotovki i Centra gumanitarnyh issledovanij RGUTIS. – 2018. – S. 61–64.
7. Oreshkina T.Yu. Psihofiziologicheskoe sostoyanie sub'ekta kak priznak sostava prestupleniya // *Ugovovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI v.: materialy XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Moskva, 2016. – S. 171–180.
8. Nikul'chenkova E.V. Problemy opredeleniya affekta v ugovovnom prave // *Ugovovno-pravovye i kriminologicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti: materialy I Region. nauch.-prakt. konf.* – 2018. – S. 26–32.
9. Budyakova T.P. Viktimologicheskoe utochnenie dejstvuyushchej redakcii stat'i 107 UK RF // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. – 2017. – T. 11, № 2. – С. 380–387.

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЬЮ 1 СТАТЬИ 20.1 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Семенов Михаил Олегович¹,
e-mail: msemenov@edu.tversu.ru,

¹Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия

Рассматриваются проблемы привлечения к административной ответственности за совершение мелкого хулиганства, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Учитывая многообразие форм проявления мелкого хулиганства, раскрываются проблемы, связанные с наличием множества оценочных понятий в составе данного административного правонарушения. Отмечается, что в настоящее время в законодательстве не сформулированы понятие «нецензурная брань» и его содержание, отсутствует определение общественного места, что позволяет правоприменителю самостоятельно, по своему усмотрению и убеждениям, определять, присутствует ли состав данного правонарушения в деяниях лиц. В ходе исследования выявляются и другие проблемы, связанные с данным административным правонарушением, например отсутствие дифференцированного подхода к назначению наказания. Исследование проводилось с использованием научных источников, судебной практики, а также проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. На основании проведенного анализа даются рекомендации, направленные на совершенствование квалификации состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: мелкое хулиганство, общественное место, категория «нецензурная брань», нарушение общественного порядка, уничтожение или повреждение чужого имущества

PROBLEMS OF QUALIFYING THE COMPOSITION OF THE ADMINISTRATIVE OFFENSE PROVIDED FOR PART 1 ARTICLE 20.1 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Semenov M.O.¹,
e-mail: msemenov@edu.tversu.ru,

¹Tver State University, Tver, Russia

The article deals with the problems of bringing to administrative responsibility for committing petty hooliganism, provided for in Part 1 of Article 20.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Taking into account the variety of forms of manifestation of petty hooliganism, the problems associated with the presence of many evaluative concepts as part of this administrative offense are revealed. It is noted that currently the concept and content of “obscene language” is not formulated in the legislation, there is no definition of a public place, which allows the law enforcement officer to determine whether the composition of this offense is present in the acts of persons independently, at his own discretion and convictions. The study also revealed other problems associated with this administrative offense, for example, such as the lack of a differentiated approach to sentencing. The study was conducted using scientific sources, judicial practice, as well as the draft Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Based on the analysis, recommendations are made aimed at

improving the qualification of the composition of an administrative offense provided for in Part 1 of Article 20.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

Keywords: petty hooliganism, public place, category of “obscene language”, violation of public order, destruction or damage to other people’s property

DOI 10.21777/2587-9472-2023-1-49-55

При квалификации мелкого хулиганства возникают определенные трудности, т.к. состав данного административного правонарушения предполагает многообразие форм его осуществления. Это обусловлено наличием в диспозиции множества оценочных понятий, таких как неуважение к обществу, нецензурная брань, общественное место, оскорбительное приставание к гражданам и др., содержание которых по настоящее время не раскрывается законодателем. В связи с этим достаточно часто правоприменитель сам, по собственным усмотрениям и убеждениям, может толковать приведенную статью и, соответственно, деяния лиц как мелкое хулиганство.

Исследованием проблем нормативной идентификации признаков мелкого хулиганства занимались многие ученые-административисты, среди которых Л.А. Дедков, А.П. Ключниченко, А.В. Серегин, С.В. Цепков, Е.А. Супонина, Н.Г. Канунникова и др. Они выделяют достаточно обширный перечень проблем состава мелкого хулиганства, требующих нормативного урегулирования.

1. Проблематичность в разграничении мелкого хулиганства с уголовно наказуемым хулиганством, предусмотренным ст. 213 Уголовного кодекса РФ¹, а также с иными административными правонарушениями, например уничтожение или повреждение чужого имущества, предусмотренное ст. 7.17 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)² [1].

2. Отсутствие легального определения понятия нецензурной брани в законодательстве.

3. Отсутствие понятия и признаков категории «общественное место», а также наличие разногласий в трактовке понятия среди ученых.

4. Субъективные подходы к оценке словосочетания «нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу» [2].

5. Проблема отсутствия дифференцированного подхода к назначению наказания, которую выделил В.Е. Зорькин, т.к. нынешняя редакция КоАП РФ предусматривает только штраф и административный арест за мелкое хулиганство, полагая, что подобный подход законодателя не позволяет в полной мере реализовать цели общей и частной превенции. Автор связывает это с тем, что некоторые правонарушители не имеют материальной возможности исполнить назначенное наказание в виде административного штрафа, а административный арест многими из них воспринимается не как наказание, а как благо (трехразовое питание, место для ночлега и т.д.). В этой связи им даются рекомендации о необходимости применять и другие виды наказания, предусмотренные КоАП РФ, такие как обязательные работы и др. [3].

Следует отметить исследование, проведенное Д.А. Марченко, в котором он рассматривает современную проблему, связанную с деятельностью «пранков», под которыми подразумеваются совершаемые с видеосъемкой деяния с целью последующей загрузки видео в сеть Интернет. «Пранкеры» ради признания идут на различные крайности. Например, бросают в ноги рюкзак с «бомбой», пугая жертву, похищают личное имущество и возвращают после погони владельца за ними, провоцируют на акты насилия и т.п. В действиях данных лиц во многих случаях отсутствуют признаки составов преступлений, исходя из чего эти деяния являются мелким хулиганством. Однако нарушители порядка относятся к возможному административному штрафу или краткосрочному аресту безразлично в силу высокой доходности своей противоправной деятельности. Автором отмечается, что данные деяния не только нарушают общественный порядок, но и показывают подрастающему поколению безнаказанность данных лиц. Исходя из этого, предлагается внести изменения, направленные на предотвращение деятельности

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон: [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21 ноября 2022 г.)]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 11.01.2023). – Текст: электронный.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон: [от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 5 декабря 2022 г.)]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 12.01.2023). – Текст: электронный.

указанных людей [4]. Данное исследование наглядно показывает, что в обществе происходят изменения, в том числе в связи с наличием информационно-коммуникационной сети Интернет, что влечет необходимость усовершенствования состава мелкого хулиганства.

Законодателем в ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ мелкое хулиганство понимается как нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества.

Рассмотрим состав данного административного правонарушения. Начнем с субъекта – вменяемого физического лица, достигшего 16 лет (ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ). Объектом являются общественные отношения в сфере обеспечения общественного порядка. С субъективной стороны мелкое хулиганство совершается умышленно (ч. 1 ст. 2.2 КоАП РФ). Кроме того, в судебной практике существует позиция, согласно которой важным элементом субъективной стороны мелкого хулиганства является мотив – удовлетворение личностных потребностей, самоутверждение за счет игнорирования достоинства других людей. Следует разграничивать действия, которые формально содержат признаки мелкого хулиганства, однако основываются на личных неприязненных отношениях, когда лицо не преследует цели нарушения общественного порядка³.

Н.Г. Канунникова рассматривает объективную сторону мелкого хулиганства во взаимосвязи с ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ как активное противоправное действие, направленное на нарушение общественного порядка и спокойствия граждан, выраженное в нецензурной брани в общественных местах, оскорбительном приставании к гражданам, уничтожении или повреждении чужого имущества [5].

Как следствие, представители научного сообщества выделяют два вида обязательных признаков объективной стороны мелкого хулиганства: основной (нарушение общественного порядка, неуважение к обществу) и дополнительный (нецензурная брань, приставание к гражданам, уничтожение или повреждение чужого имущества), отмечая, что совершенное правонарушителем деяние в обязательном порядке должно содержать основной и один из дополнительных признаков [6].

В ходе судебной практики сложилась следующая позиция: с объективной стороны мелкое хулиганство представляет собой действие, нарушающее общественный порядок и спокойствие граждан. Такими действиями являются нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам, уничтожение или повреждение чужого имущества. Каждое из них может рассматриваться в качестве мелкого хулиганства, если оно нарушает общественный порядок и выражает явное неуважение к обществу⁴.

У ученых и правоприменителей вызывает множество вопросов именно объективная сторона мелкого хулиганства, т.к. законодателем по сей день не закреплены определения общественного места, категории «нецензурная брань», а также то, что представляет собой нарушение общественного порядка.

Понятие и содержание общественного порядка законодатель не раскрывает, который, в свою очередь, является объектом административной защиты. Исходя из этого, ученые-административисты, рассматривая данный вопрос, не пришли к единому мнению и трактуют данное понятие в своих работах по-разному.

Так, П.П. Фомин выделил перечень признаков, характеризующих общественный порядок:

- 1) регулируется нормами морали, обычаями и правовыми нормами;
- 2) устанавливается в результате реализации моральных и правовых норм;
- 3) создает благоприятные условия для осуществления субъективных прав;
- 4) предполагает своевременное и полное выполнение всеми субъектами моральных и юридических обязанностей;
- 5) обеспечивает четкую и эффективную работу всех государственных и частных предприятий, учреждений, организаций, органов, служб и т.п.;
- 6) создает условия для организованности гражданского общества с одной стороны, режима индивидуальной свободы в пределах, предусмотренных правовыми и моральными нормами;

³ Решение Ставропольского краевого суда по делу № 7А-527/2020: [от 7 октября 2020 г.]. – URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/Jy0jjVi2s26X/?regular-txt=%D1%> (дата обращения: 16.01.2023). – Текст: электронный.

⁴ Там же.

ного закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»⁹, в котором не все места из перечня возможно признать общественными, ввиду того что территория, например, воинской части не может быть свободной для доступа неопределенного круга лиц. Таким образом, определяется, что понятия «запрещенное место» и «общественное место» не являются синонимами [9].

Понятие «общественное место» употребляется в ст. 20.21 КоАП РФ, под которым понимаются улицы, стадионы, скверы, парки, транспортные средства общего пользования и другие общественные места. Перечни общественных мест являются открытыми, но даже в этом случае, если сослаться на эти статьи, возникает проблема для правоприменителя в разграничении хулиганства, предусмотренного Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ), и мелкого хулиганства. В связи с тем что п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ предусматривает ответственность за хулиганство, совершенное на любом транспорте общего пользования, может создаваться ситуация, в которой грань между уголовным и мелким хулиганствами является настолько тонкой, что в данных случаях правоприменителям придется всегда передавать дело судам, а им, в свою очередь, необходимо рассматривать дело на наличие или отсутствие грубости в действиях нарушителя, т.к. признак места совершения деяния совпадает для обоих составов. Как следствие, существует необходимость в определении общественного места конкретно в отношении состава мелкого хулиганства.

Так, Д.Г. Заброда и И.В. Тихий в ходе исследования выделили признаки, по которым предлагается определять, является ли место общественным или нет. Согласно авторам, к ним относятся: «публичность; территориально-объектовая определенность; неограниченность доступа к публичным местам и ограничение к режимным; преимущественно нежилое и непроизводственное предназначение; обеспечение функционирования органами местного самоуправления; существование для удовлетворения потребностей неопределенного круга лиц» [10].

Л.Б. Антонова и О.А. Федотова предложили следующее определение общественного места: «Общественным признается любое место, в котором указанные в соответствующих статьях КоАП РФ и нормах законодательства об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации действия либо результаты таких действий могут наблюдаться, быть слышимы либо иным образом ощутимы не участвующими в этих действиях людьми» [11].

Министерством юстиции Российской Федерации был разработан проект КоАП РФ, который прошел антикоррупционную экспертизу, стадию публичного слушания, но до настоящего времени не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Редакция мелкого хулиганства в ст. 14.1 излагается как оскорбительное приставание к гражданам, нецензурная брань, отправление естественных надобностей в общественном месте или другие действия, выражающие явное неуважение к личности и (или) обществу, нарушающие правопорядок (общественный порядок), а равно сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества. Отметим, что из этого определения перечень деяний, подпадающих под мелкое хулиганство, стал открытым, и складывается такая ситуация, что теперь более важным является выяснение мотивов лица, т.е. имеется ли неуважение к обществу или личности при совершении им деяний в общественных местах. Кроме того, данный состав дополнен тем, что неуважение может быть направлено не только на общество, но и на конкретную личность, что, в свою очередь, может создать проблему с разграничением со смежными составами, например таким как оскорбление.

Отметим, что в приведенном проекте к ст. 14.1 добавлены ч. 2 примечания, которые содержат открытый перечень общественных мест, а также один дополнительный признак, при котором место может считаться общественным, а именно в случае, если место предполагает возможность появления (нахождения) в нем неопределенного круга лиц.

Другие проблемные аспекты состава мелкого хулиганства проект не решает, такие как отсутствие определения нецензурной брани и общественного порядка, а также он расширяет круг деяний, чем и

⁹ О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон: [от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 26 марта 2022 г.)]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/d3618b9062472ca3182811e431fa7d71b532e447/#dst100864 (дата обращения: 14.01.2022). – Текст: электронный.

усложняет квалификацию совершаемых деяний для правоприменителей. Проект вводит новое понятие правопорядка, считая его тождественным общественному порядку.

Следовательно, такое административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, как мелкое хулиганство, уже долгое время остается неизменным и под воздействием современных тенденций требует переосмысления законодателем. Среди ученых продолжается дискуссия, данный вопрос активно исследуется, а авторами предлагаются различные пути решения рассматриваемых проблем. На законодательном уровне разрабатывается проект КоАП РФ, но он не является идеальным и не решает все проблемы состава указанного правонарушения. В судебной практике существует позиция, согласно которой следует рассматривать объективную сторону мелкого хулиганства, однако она не может быть основой для вынесения решения другими судами, исходя из чего существует потребность в закреплении соответствующих норм в правовых актах.

Список литературы

1. Смоляков А.И. Проблемные вопросы квалификации мелкого хулиганства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2018. – № 1. – С. 80–83.
2. Супонина Е.А. О декриминализации мелкого хулиганства // Администратор суда. – 2020. – № 4. – С. 32–34.
3. Зорькин В.Е. Общественная нравственность как родовой признак мелкого хулиганства // Административное право и процесс. – 2019. – № 4. – С. 44–47.
4. Марченко Д.А. Проблемы регулирования общественных правоотношений в сфере общественного порядка и общественной безопасности // Законность. – 2021. – № 8. – С. 53–55.
5. Канунникова Н.Г. К вопросу о правовых характеристиках объективной стороны мелкого хулиганства // Административное право и процесс. – 2017. – № 5. – С. 31–35.
6. Трусов А.И., Техов Д.Н. О необходимости совершенствования конструкции состава статьи 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» // Российская юстиция. – 2019. – № 8. – С. 15–18.
7. Фомин П.П. Общественный порядок и общественная безопасность: понятие и соотношение // Вестник ЛАВД имени Э.А. Дидоренко. – 2017. – № 1. – С. 66–77.
8. Давыдов М.В., Лимарева Е.С. Нецензурная брань как квалифицирующий признак мелкого хулиганства // Административное право и процесс. – 2020. – № 4. – С. 69–71.
9. Никоноров Е.А., Никоноров А.А. Понятие общественного места в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. – С. 222–227.
10. Заброда Д.Г., Тихий И.В. Основные подходы к пониманию сущности категории «общественные места» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 20–30.
11. Антонова Л.Б., Федотова О.А. Понятие «общественное место» в законодательстве Российской Федерации об административной ответственности // Закон и право. – 2014. – С. 134–137.

References

1. Smolyakov A.I. Problemnye voprosy kvalifikacii melkogo huliganstva // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. – 2018. – № 1. – S. 80–83.
2. Suponina E.A. O dekriminalizacii melkogo huliganstva // Administrator suda. – 2020. – № 4. – S. 32–34.
3. Zor'kin V.E. Obshchestvennaya нравstvennost' kak rodovoj priznak melkogo huliganstva // Administrativnoe pravo i process. – 2019. – № 4. – S. 44–47.
4. Marchenko D.A. Problemy regulirovaniya obshchestvennyh pravootnoshenij v sfere obshchestvennogo porjadka i obshchestvennoj bezopasnosti // Zakonnost'. – 2021. – № 8. – S. 53–55.
5. Kanunnikova N.G. K voprosu o pravovyh harakteristikah ob'ektivnoj storony melkogo huliganstva // Administrativnoe pravo i process. – 2017. – № 5. – S. 31–35.
6. Trusov A.I., Tekhov D.N. O neobhodimosti sovershenstvovaniya konstrukcii sostava stat'i 20.1 KoAP RF "Melkoe huliganstvo" // Rossijskaya yusticiya. – 2019. – № 8. – S. 15–18.
7. Fomin P.P. Obshchestvennyj poryadok i obshchestvennaya bezopasnost': ponyatie i sootnoshenie // Vestnik LAVD imeni E.A. Didorenko. – 2017. – № 1. – S. 66–77.

8. *Davydov M.V., Limareva E.S.* Necenzurnaya bran' kak kvalificiruyushchij priznak melkogo huliganstva // *Administrativnoe pravo i process.* – 2020. – № 4. – S. 69–71.
9. *Nikonorov E.A., Nikonorov A.A.* Ponyatie obshchestvennogo mesta v rossijskom zakonodatel'stve // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti.* – 2018. – № 2. – S.222–227.
10. *Zabroda D.G., Tihij I.V.* Osnovnye podhody k ponimaniyu sushchnosti kategorii “obshchestvennye mesta” // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya “Yuridicheskie nauki”.* – 2022. – T. 8, № 1. – S. 20–30.
11. *Antonova L.B., Fedotova O.A.* Ponyatie “obshchestvennoe mesto” v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii ob administrativnoj otvetstvennosti // *Zakon i pravo.* – 2014. – S. 134–137.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 1 (36)' 2023

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Голованова Е.В.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 22.04.2023.

Печ. л. 7. Усл.-печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 4,65.

Объем 1,23 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 23-0057.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.